

13358

У 283
1003 66

ИЗ АРХИВА ДОСТОЕВСКОГО

ПИСЬМА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ:

Голенищева-Кутузова, Гончарова, Григоровича,
Достоевского, Мельникова-Печерского, Некрасова,
Островского, Плещеева, Полонского, Помяловского
Рыбникова, Салтыкова, Тургенева.
Заметки А. Г. Достоевской.

Редакция и вступление
Н. К. ПИКСАНОВА.

XXIII-11061

Комментарии Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВА и Н. К. ПИКСАНОВА.

Заменено
28/1-32

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

От редактора.

В ноябре 1921 года в Центральном архиве в Москве, в торжественной обстановке, был вскрыт ящик с бумагами Ф. М. Достоевского. Здесь оказались драгоценные автографы самого Достоевского, с планами его романов, автобиографическими заметками, черновиками писем и т. д. Здесь же, среди других пакетов и свертков, нашелся мешочек, заключавший в себе письма русских писателей. Руками Анны Григорьевны Достоевской письма были размещены по авторам в конвертах, и на каждом конверте заботливо и точно помечено: от кого письма, сколько и каких годов; если на письме не было даты, А. Г. Достоевская иногда сама определяла ее. Только одно письмо, очень важное: Достоевского к Тургеневу и расписка на нем Тургенева—найдено было Н. Ф. Бельчиковым среди бумаг самой Анны Григорьевны, в том же ящике.

Письма относятся к более позднему периоду жизни Достоевского—когда он вернулся в Петроград из ссылки и уже был крупным, признанным поэтом и публицистом. В письмах много говорится

о литературных отношениях Достоевского. Это рисует нам и самого писателя, и его корреспондентов в литературных и общественных условиях шестидесятых—семидесятых годов. К величайшему сожалению, многих ответных писем Достоевского к его корреспондентам мы не имеем. Однако, и в теперешнем одностороннем своем составе письма дают много. Укажу на сообщения Тургенева о творческих работах над „Призраками“, на критические рассуждения Гончарова по поводу „Картинок“ Достоевского, на автобиографические признания Полонского.

Некоторые из писем, найденных в бумагах Достоевского, были уже опубликованы, например,—восемь писем Тургенева, письма Некрасова. В интересах целостного впечатления и чтобы не заставлять читателей искать напечатанные письма в других изданиях—и таких редких, как „Первое собрание писем Тургенева“,—мы перепечатаваем такие письма среди неизданных, отмечая их звездочками. Несколько писем мы воспроизводим из других изданий ради связности переписки, хотя оригиналы их и не находились в архиве Достоевского.

Письма расположены в алфавите их авторов, без разделения на группы по адресатам (Федор Михайлович, Михаил Михайлович, Анна Григорьевна Достоевские), Текст писем воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания авторов. Каждой группе писем предпослана ее общая

характеристика и затем отдельные письма снабжены необходимыми примечаниями. В конце книжки читатели найдут алфавитный указатель имен.

Неисчерпаемой преданности А. Г. Достоевской к памяти мужа мы обязаны тем, что имеем возможность ввести в состав комментариев ее собственные неизданные воспоминания, разъясняющие тот или иной из эпизодов переписки (с Тургеневым, Гончаровым, Некрасовым и др.). Они взяты из того же рукописного фонда Достоевских в Центральном архиве, что и письма. Оттуда же почерпнуты и выдержки из неизданных писем Ф. М. Достоевского.

В качестве приложения даны снимки с писем Гончарова, Некрасова, Островского, Плещеева, Помяловского, Салтыкова, Достоевского и Тургенева.

Н. Пиксанов.

А. А. Голенищев-Кутузов.

Многоуважаемая
Анна Григорьевна,

Съ чувствомъ самого искренняго сожалѣнія спѣшу извѣстить Васъ, что обстоятельства, вполнѣ отъ меня независящія, заставляютъ меня отказаться отъ участія въ литературномъ вечерѣ—единственномъ изъ всѣхъ, на которомъ я дѣйствительно желалъ бы участвовать, ибо благоговѣнно чту память Федора Михайловича. Двѣ причины останавливаютъ меня: во первыхъ я съ часа на часъ жду одного извѣстія, получивъ которое тотчасъ же долженъ ѣхать въ деревню—это главное; во вторыхъ—я сталъ съ недавняго времени страдать какими то внезапно-приходящими нервными головными болями, которые возвращаются почти каждый день и чаще всего вечеромъ и дѣлаютъ меня рѣшительно неспособнымъ ни на что. Пока эти боли не пройдутъ—или если мнѣ не суждено отъ нихъ избавиться—пока я къ нимъ не привыкну (ибо ко всему на свѣтѣ привыкають) я не рѣшаюсь брать на себя какія бы то ни было обязательства, особливо столь трудное и отвѣтственное, какъ чтеніе въ публикѣ сочиненій Федора Михайловича.

Извините, что такъ подробно рассказываю Вамъ постигшія меня бѣды, но мнѣ не хотѣлось бы,

чтобы Вы подумали обо мнѣ иное чѣмъ есть и обвинили меня въ легкомысленномъ отношеніи къ Фёдору Михайловичу—память которого навсегда останется для меня священной.

Примите, многоуважаемая Анна Григорьевна, вмѣстѣ с моей благодарностью за добрую память, увѣреніе в глубокомъ уваженіи и преданности Вашего покорнаго слуги

Гр. А. Кутузова.

11 марта 1884 г. СПб.

Примечанія.

Голенищев-Кутузов Арсеній Аркадьевич (род. 1848 г. — ум. 28/1 1913 г.) граф, —даровитый поэт. Его муза замкнувшаяся в мир субъективных и, преимущественно, пессимистических настроений, не знала широкой популярности. В его стихах — изящество формы, тонкое понимание природы и серьезные думы о жизни. Начало его литературной деятельности относится к середине 70 годов, когда он выступал в журнале „Заря“ (Кашперова), „Деле“ и „Вестнике Европы“. Позднее он печатался в „Русском Вестнике“, „Русском Обозрени“.

Арсеній Аркадьевич отказывается от участія в устроенном Анной Григорьевной и почитателями памяти Ф. М. Достоевскаго литературномъ вечерѣ—15 марта 1884 г. в пользу Старорусской школы имени Федора Михайловича Достоевскаго (подр. см. в № 2893 „Нового Времени“ от 18 марта 1884 г. в отделе Хроники, по указанію Анны Григорьевны Достоевской).

Об отношеніи части писателей-современников к делу оказанія помощи школе имени Ф. М. путем устройства вечеров сохранилось воспоминаніе Анны Григорьевны.

„Я съ своей стороны рѣшила использовать мои знакомства съ нашими литераторами и устраивать литературные вечера, предполагая, что они могутъ давать большіе доходы, и благодаря этому мы бу-

демъ расширять размѣры нашей школы. На первыхъ порахъ идея моя удалась, и первый литературный вечеръ, устроенный въ январѣ 1882 г., принесъ намъ до 1000 рублей. Я гдѣ-то уже описала тѣ „мытарства, которыя мнѣ пришлось пережить по этому поводу“. В другомъ месте воспоминаний, действительно, есть более подробный рассказъ Анны Григорьевны о хлопотахъ ее по устройству такихъ вечеровъ. „Я готова была на всякія хлопоты, лишь бы онѣ могли принести школѣ нѣсколько лишнихъ рублей. Но мало-по-малу я стала убѣждаться въ несбыточности моей затѣи. Съ каждымъ годомъ интересъ къ школѣ имени Ф. М. ослабѣвалъ улицъ, которыя своими именами могли привлечь публику, и они-то откровенно отказывались отъ чтенія, приводя въ извиненіе свои хворости и другія неотложныя занятія; другіе же хитрили, какъ сдѣлалъ одинъ извѣстный литераторъ, котор(ый), когда я пригласила его прочесть въ пользу школы, вдругъ всталъ съ мѣста, прошелся по комнатѣ и сталъ очень невнятно говорить, увѣряя, что у него надняхъ сломалась челюсть (за 5 минутъ предъ тѣмъ она была видна при разговорѣ), что онъ получить ее отъ дантиста не ранѣе 2-хъ недѣль, т.-е. уже послѣ чтенія. Я только покачала головой въ отвѣтъ на такую наивную ложь и, конечно, къ нему никогда больше не обращалась.

Пришлось приглашать литераторовъ сортомъ пониже, пришлось назначать не просто литературные вечера, а соединенные съ пѣніемъ или декламацией, ѣздить—просить совершенно незнакомыхъ людей, при чемъ приходилось попадать въ самыя комическія положенія, о которыхъ расскажу въ отдѣльной главѣ. Сборы тоже значительно стали понижаться, и выходило, что я тратила цѣлый мѣсяцъ и больше на всякаго рода приглашенія (я сама

считала невозможнымъ распространять, вѣрнѣе говоря, навязывать билеты своимъ знакомымъ), приготовленія, и когда подводила итоги доходовъ и расходовъ, то по сдачѣ полиціи всѣхъ полученныхъ суммъ для отправки въ Стар. школу, оказывалось, что мнѣ лично эти вечера стоили почти ту же сумму, которую я за нихъ выручала. А стоили они мнѣ такъ дорого потому, что я считала своею обязанностью вознаграждать каждого участвовавшего подаркомъ сочин. *Ф. М.* (тѣ же деньги), да брала на свой счетъ плату за букеты, кареты для артистовъ, угощеніе участвующимъ и пр. Послѣ въ высшей степени неудачныхъ по своей доходности въ 1884, не 1885 ли? [вечеровъ] я рѣшила, вопреки увѣщаніямъ о. *Іоанна* [*Румянцева*—см. о немъ в прим. к письму *Д. В. Григоровича* на стр. 37], больше вечеровъ не устраивать, а поискать какія-либо другія средства для поддержанія школы.

Въ виду того, что большая часть учащихся были горожанами *Ст. Руссы*, я обратилась къ городу съ просьбою давать (ежегодно) хотя бы небольшое ежегодное пособіе школѣ, и такая моя просьба была удовлетворена.

Такъ какъ въ школѣ было нѣсколько десятковъ мальчиковъ изъ сосѣднихъ (за 2—за 3 версты отъ города) деревень, то это дало намъ возможность просить маленькую помощь и отъ земства“...*)

О значеніи для жизни школы подобныхъ вечеровъ сказано в анонимномъ письмѣ из *Старой Руссы*, помещенномъ в журналѣ „Неделя“ 16 июня 1885 г. № 24 подъ названіемъ: „Школа *Ф. М. Достоевскаго*“.

*) Цитируемъ по рукописи.

И. А. Гончаров.

Письма Гончарова, впервые печатаемые и представляющие единственную группу писем Гончарова к Достоевскому, какою литература располагает, ставят на очередь вопрос о взаимных отношениях между двумя писателями. Отношения эти не были близкими, как, например, отношения Достоевского с Ап. Н. Майковым, но и не бывали так обострены, как, например, с Тургеневым. Сколько можно судить по всем данным, это были ровные, несколько далекие отношения. Они начались со времени возвращения Достоевского из ссылки в Петербург и поддерживались встречами в литературных кругах и даже за границей. Именно, в 1867 году Достоевский и Гончаров встречались в Баден-Бадене; они оба играли там в рулетку, Гончаров осторожно, Достоевский со всем азартом. Гончаров даже ссудил проигравшемуся Достоевскому 60 франков. Обо всем этом Федор Михайлович не без юмора рассказывал А. Н. Майкову в письме от 16 августа 1867 года („Русский Архив“, 1902, IX). Но тот же Гончаров настойчиво советовал Достоевскому побывать у Тургенева, жившего также в Баден-Бадене. И этот визит повел к знаменитой ссоре, о которой Достоевский подробно говорит в том же письме к Майкову.

Сам Гончаров ни по своему характеру, ни по воззрениям не мог вызывать в Достоевском такого сопротивления, как Тургенев. Наоборот, многое сближало его с Достоевским,—прежде всего, политический консерватизм и вражда к „бесам“ и „нигилистам“, а также и религиозность. Впрочем, и здесь Гончаров выбрал золотую середину, и вместо воинствующего „Русского Вестника“ предпочитал уравновешенный либеральный „западнический“ „Вестник Европы“, который так не нравился Достоевскому.

В архиве Достоевского нашлась заметка Анны Григорьевны такого содержания:

„К некоторым письмам необходимо сделать примечание, иначе они могут оказаться для читателей непонятными: помню, например, я нашла несколько писем И. А. Гончарова, в которых он очень горячо оспаривает одно литературное мнение, высказанное Федором Михайловичем, ни одним словом не упоминая о чем именно идет речь. Для читателя нападки Гончарова на Федора Михайловича покажутся непонятными и могут в литературном мире возбудить целый спор, тогда-как для меня совершенно ясно, что речь идет о статье, под названием „Маленькие картинки (в дороге)“, которую мой муж написал для „Складчины“, сборника, изданного нашими литераторами в пользу самарских голодающих. Редактирование этого сборника принял на себя И. А. Гончаров, и он, получив от мужа статью, не согласился с ее содержанием и, благодаря этому обстоятельству, между двумя выдающимися писателями возник литературный спор. Возможно, что когда-нибудь появятся в литературе и ответные письма Федора Михайловича, и это будет очень любопытный образец литературной полемики.

Ко многим письмам приходится прилагать объяснения, кто именно автор письма, без чего, при совпадении одинаковых фамилий и имен, могут выйти недоразумения. (Напр., фамилия „Соловьев“ встречается в числе писем 5 раз)“.

К сожалению, эта заметка Анны Григорьевны слишком скупа.

Всей полноты отношений двух писателей мы пока восстановить не можем. Печатаемые письма воссоздают только два эпизода, разделенных двадцатью годами. Первый из них незначителен (письмо 1862 г. о переводчике Деляво) и только устанавливает личное общение двух поэтов в начале 60-х годов.

Зато другой очень любопытен. Он связан с известным сборником русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии: „Складчина“ (СПБ., 1874). Гончаров был избран в комитет по организации сборника, вместе с другими пятью (Ефремов, Краевский, кн. В. П. Мещерский, Некрасов и Никитенко), и очень ревностно нес свои обязанности (об этом см. у М. Ф. Суперанского: И. А. Гончаров—один из редакторов сборника „Складчина“—в альманахе „Огни“, кн. I. П., 1916). В качестве одного из редакторов, Гончаров сносился и с Достоевским. Письма его по этому поводу имеют двоякий интерес. С одной стороны, они рисуют взгляды самого Гончарова на задачи литературной бытописи; с другой,—раскрывают один эпизод из истории творческих работ Достоевского. Творец Обломова ревниво здесь отстаивает строгое, точное понятие литературного типа, как оно отложилось в его собственном теоретическом сознании и осуществлялось в поэтическом творчестве. „Тип,—поучает он Достоевского,—слагается

из долгих и многих повторений или наслоений, явлений и лиц—где подобия тех и других учащаются в течение времени и, наконец, устанавливаются, застывают“. Или в другом письме: „Тип, я разумею, с той поры и становится типом, когда он повторился много раз или много раз был замечен, пригляделся и стал всем знаком“. Как явственно сказываются в этих рассуждениях особенности собственного творчества Гончарова, медлительного, осторожно типизирующего! Кончает он великолепной формулой, достойной крупного художника: „большею частью, в действительности мало бывает художественной правды—и значение творчества именно так и выражется, что ему приходится выделять из природы те или другие черты и признаки, чтобы создавать правдоподобие, т. е. добиваться своей художественной истины“. Порывистому, страстному творцу „Бесов“ и „Преступления и наказания“ такие приемы, конечно, были чужды, если не враждебны. Он возражал Гончарову, и так жаль, что мы не располагаем его ответным письмом.

Но в рассуждениях Гончарова сказались не только убежденные эстетические принципы и методы, но и затаенная тенденция: склонить Достоевского такими аргументами к изъятию из предлагаемых для сборника „Маленьких картинок“ мест, рискованных в цензурном отношении. То, что Гончаров пишет Достоевскому в связи с этим, воссоздает для истории литературы ценный эпизод в творчестве Достоевского. Зная „Маленькие картинки“, как они напечатаны в „Складчине“ и как перепечатывались в собрании сочинений Достоевского (их не следует смешивать с другими „Картинками“, напечатанными в „Гражданине“, 1873), мы из писем Гончарова убеждаемся, что первоначально Достоевский вводил в свои дорожные очерки исчезнувшую потом ха-

рактику священника, притом под необычным для него углом зрения: сатирическим. Это, по словам Гончарова, читавшего первоначальную редакцию, был „священник-ухарь“, нигилист: „он и курит непомерно, и чертей призывает, и хвалит гражданский брак, он же, с другой стороны, и франт: весь в брелоках и цепочках, опрыскан духами и напоминает французского модного аббата бурбоновских времен“; весь образ „очерчен так резко и зло“. Между тем, в печатном тексте этот образ совершенно отсутствует. Очевидно, цензурные опасения Гончарова, его ссылки на прецедент с очерком Авдеева и т. д.—подействовали на Достоевского, и он выбросил этот ценный сатирический эпизод. Вместе с ним исчез из печатного текста и другой образ, о котором Гончаров пишет: „Учитель Ваш, о котором я забыл упомянуть,—едва задет, но уже представляет мягкую, симпатичную фигуру“. Будем надеяться, что среди еще не разобранных бумаг Достоевского сохраняются эти фрагменты „Маленьких картин“,—как можно надеяться, что и письмо Достоевского к Гончарову о „попее-ухаре“ где-нибудь сохранилось и еще будет опубликовано.

1.

Милостивый Государь

Федор Михайлович.

Франц. литераторъ Delavan, (о которомъ я Вамъ при свиданіи говорилъ), занимающійся всего болѣе переводами съ русскаго, убѣдительно проситъ Боткина (Николая Петр.) привезти ему все что вышло Мертваго дома, для перевода въ Revue de deux mondes, или отдѣльно—не знаю.

Боткинъ пріѣхалъ вчера изъ Москвы и завтра, въ Пятницу, отправляется за границу. Не зная, гдѣ найти Васъ, онъ проситъ Васъ покорнѣе черезъ меня дать ему, если есть, отдѣльные оттиски Мертваго дома, съ начала до послѣдней статьи включительно, для доставленія лично Деляво.

Если Вы пожелаете исполнить просьбу Деляво и Боткина, то не возьмете ли на себя трудъ прислать оттиски въ гостиницу Клее, на Михайл. площади, въ № 5-й, на его имя? Онъ проситъ сдѣлать это сегодня или завтра часовъ до 12 утра, потому что, какъ я сказалъ, завтра же онъ уѣзжаетъ.

Свидѣтельствую Вамъ свое почтеніе

И. Гончаровъ.

Четвергъ.

26 Апрѣля

1862.

Забылъ нужное: надо приложить къ статьямъ письменное разрѣшеніе Ваше Г-ну Деляво на переводъ.

2.

Я не утерпѣлъ и прочелъ Вашъ очеркъ вчера, глубокоуважаемый Федоръ Михайловичъ, и спѣшу сообщить Вамъ свое личное впечатлѣніе и мнѣніе, прежде нежели представлю рукопись въ комитетъ.

Вы конечно безъ моей критики очень хорошо знаете, какъ своеобразны, умны и вѣрны характеристическія заметки о нашихъ путешественникахъ служашія интродукціей къ Вашимъ Маленькимъ картинкамъ. Онѣ однѣ могли бы сами по себѣ составить капитальное приношеніе в „Складчину“.

Но чему Вы, кажется, сами мало придаете цѣны, такъ это тонкому и мѣткому очерку „прижизальщика“ большихъ домовъ, „таланту“, какъ Вы назвали его, который вдругъ овладѣваетъ общимъ вниманіемъ въ вагонѣ. Говорю—мало придаете цѣны ему—потому что Вы бросили его небрежно, въ родѣ какого то аксессуара къ „картинкамъ“, тогда какъ онъ и есть самъ первая картинка. А у васъ онъ явился, какъ общее мѣсто: „есть или бываютъ такие“—Вы дали ему это безличное значеніе—и между тѣмъ незамѣтно будто, водя карандашомъ по бумагѣ и не думая, Вы нарисовали, или лучше сказать—сама рука художника, сильная и привычная, нарисовала полный законченный очеркъ.

Еслибъ Вы тутъ захотѣли и остаться—Вы и тогда уже дали бы щедрый вкладъ, безъ продолженія. Напримѣръ, М. Е. Салтыковъ—начинаетъ свою статейку также интродукціей, въ которой есть нѣсколько штриховъ полей, ведущихъ къ городу—и только въѣхалъ в городъ—тутъ и простился съ читателемъ—дальше не пошелъ. У него, въ интродукціи, звучитъ какой-то задумчивый, серьезный мотивчикъ и только. И все это составляетъ шесть, семь страницъ.

А у Васъ—(или скорѣе у насъ, у Складчины) есть в перспективѣ еще „картинки“. Это кладъ.

Простите меня за эту, такъ сказать, невольную критику. Я не позволилъ бы ее себѣ, еслибъ меня не побуждала къ тому обязанность члена Комитета—и я хочу выразить только Вамъ, какъ важно для Складчины приобрѣтеніе такого приношенія—чтобы и Вамъ самимъ сообщить тотъ взглядъ, какимъ мы руководствуемся, относительно авторскихъ вкладовъ—для Вашего соображенія о значеніи, объемѣ etc. etc.

Теперь перехожу к другой, скучной обязанности: это цензора—и вмѣстѣ ко второй половинѣ рукописи—к священнику. Послѣ нѣсколькихъ Вашихъ словъ вчера объ этомъ, я какъ будто почувствовалъ и отчасти предсказалъ о затрудненіи, которое можетъ встрѣтиться. Я Вамъ говорилъ, съ какимъ сожалѣніемъ мы должны были отказаться отъ статьи Авдѣева по причинѣ священника же.

Вашъ же священникъ—ухарь очерченъ такъ рѣзко и зло, что впадаетъ какъ будто въ шаржъ, кажется неправдоподобенъ, хотя—можетъ быть—такіе и есть (я никого почти изъ нихъ не знаю). Вы сами говорите, что „зарождается такой типъ“: простите, если я позволю замѣтить здѣсь противорѣчіе, если зарождается, то еще это не типъ. Вамъ лучше меня извѣстно, что типъ складывается изъ долгихъ и многихъ повтореній или наслоеній [зачеркнуто: „извѣстныхъ“] явленій и лицъ—гдѣ подобія тѣхъ и другихъ учащаются въ теченіе времени и наконецъ устанавливаются, застываютъ и дѣлаются знакомыми наблюдателю. Творчество (я разумѣю творчество объективнаго художника, какъ Вы напримѣръ) можетъ являться только тогда, по моему мнѣнію, когда жизнь [зачеркнуто: „и его творчество“] установится, съ новою, нарождающеюся жизнію оно не ладитъ: для нея нужны другого рода таланты, напримѣръ Щедрина. Вы—священника изображали уже не *sine ira*: здѣсь художникъ уступилъ мѣсто публицисту.

Опять тысячу разъ извиняюсь, что сбиваюсь съ прямой дороги въ сторону.

Вы давно пишете и конечно помните, какими недотрогами въ ценсурномъ смыслѣ были духовныя и военныя лица у насъ: такими въ значительной степени остаются они еще и теперь, при уже отсутствіи предварительной цензуры. Я не говорю о

томъ, что на Васъ возопіетъ все духовенство „за мараль“, по выраженію купцовъ Островскаго, взводимую на духовенство—и конечно спросятъ: „гдѣ Вы видѣли такого попа“ и т. д. и т. д.—мало ли къ чему привяжутся!—и про себя не простятъ Вамъ даже за проклятіе [зачеркнуто: „ваше“] табако-курения.

Но это бы не важно, еслибы они критически отнеслись къ Вамъ: на всякое чиханіе не наздравствуешься! Но—привяжутся къ нашему комитету, пожалуй—и т. д. и т. д. всего предвидѣть нельзя, но можно многого ожидать.

Вы вчера, на мои опасенія, довольно благодушно и равнодушно, замѣтили: „ну, такъ вонь его“. Я этого не смѣю предлагать Вамъ—а буду только ожидать—буквально, какъ Вы прикажете.

Я предупреждаю, что это мое личное мнѣніе—и если Вы не раздѣляете моихъ опасеній, то прикажите или разрѣшите мнѣ внести послѣзавтра очеркъ Вашъ въ Комитетъ съ попомъ. Если же Вы найдете мои предвидѣнія нѣсколько основательными, то благоволите дать мнѣ знать по городской почтѣ въ двухъ словахъ о томъ: могу ли я внести то что Вы мнѣ дали, въ среду въ комитетъ, (чего бы мнѣ очень хотѣлось) и обѣщать, что Вы подарите еще не одну „картинку“—или жеска-зять, что тутъ и конецъ (чего бы не хотѣлось), такъ какъ и данное Вами уже составляетъ нѣчто цѣлое.

Если Вы завтра, во вторникъ, вечеромъ бросите письмо въ ящикъ, я получу его въ среду утромъ до комитета (засѣданіе в два часа)—и исполню что Вы скажете. Если пожелаете доставить для поправокъ рукопись опять къ Вамъ—я ее, или самъ привезу, или пришлю с человѣкомъ.

*Должны
выразить
Визванію Ва
мъ
по поводу
комитета
Дногоми*

е и
пре-омъ
орувъ
мый
по
ать,
ще-
ви-
гдѣ
ен-
мъ.
ожъ
ить
змъ
, и
къ),
въ
по-

1.
24 февр 77.

Должно быть я не советую, если
выразился во всем своем мнении, что
вызвал Вас, много выразившись? Вдруг
Миха? и вдруг на серьезное возрождение
по поводу типа попа. Я никак не
хотел сказать, что я не видел
этого типа, и потому он не суще-
ствует, или неверно показан
Вас. Я не видел и не знаю, как
сильно потому, что никто из бывших,
ни кого не видел и вообще свесивших
и были типами русского общества
вовсе незнакомы.

Я предполагал, что его можно при-
знать за шарфа потому единственно
что он одиозно разбросан на себе
ветерубы, которые нахлестали или
мизанс с одной стороны — (один из
решит петлю, и черт, призывает,
и хватит графский браво, он же
с другой стороны — и срывает, все в
Брежнев, что почка, арыскань дураки
и попоминать ~~этого~~ ~~фран~~ ~~много~~
аббата бурбоувики вешен

Мы говорим, что он не шарфа
не введи, а с ним? Коим с? ~~фран~~

Отдаю себя в полное Ваше распоряженіе и
прошу вѣрить моему искреннему уваженію и пре-
данности

И. Гончаровъ.

11 февраля
1874.

Моховая улица,
близъ Сергіевской
домъ № 3.

На сохранившемся конверте адрес:

На углу Лиговки и Гусева переулка, домъ
№ 8, Сливчанскаго. Его Высокородію Ѳеодору
Михайловичу Достоевскому, квартира № 17.

3.

14 февр. 74.

Должно быть я не совсѣмъ ясно выразился въ
письмѣ моемъ, что вызвалъ Васъ, многоуважаемый
Ѳеодоръ Михайловичъ, на серьезное возраженіе по
поводу типа по па. Я никакъ не хотѣлъ сказать,
что я не видалъ этого типа, и потому онъ не суще-
ствуетъ, или невѣрно написанъ у Васъ. Я не ви-
далъ и не знаю—единственно потому, что нигдѣ
не бываю, никого не вижу и вообще съ современ-
ными типами русскаго общества вовсе незнакомъ.

Я полагалъ, что его могутъ принять за шаржъ
потому единственно, что онъ одинъ заразы носить
на себѣ всѣ рубцы, которые нахлесталъ нигилизмъ
съ одной стороны—(онъ и курить непомѣрно, и
чертей призываетъ, и хвалитъ гражданскій бракъ),
онъ же съ другой стороны—и франтъ, весь въ
брелокахъ, цѣпочкахъ, опрысканъ духами и напо-

минаетъ [зачеркнуто начало неразобранного слова] франц. моднаго аббата бурбоновскихъ временъ.

Вы говорите, что онъ не шаржъ и не выдумка, а снятъ Вами съ дѣйствительности, какъ фотографія. Можетъ быть, въ этомъ именно и заключается причина, что изъ него не вышло (на мои впрочемъ глаза) типа. Вы знаете, какъ, большею частію, въ дѣйствительности мало бываетъ художественной правды—и какъ (это Вамъ лучше другихъ извѣстно) значеніе творчества именно тѣмъ и выражается, что ему приходится выдѣлять изъ натуры тѣ или другіе черты и признаки, чтобы создавать правдоподобіе т. е. добиваться своей художеств. истины.

Вы говорите, что типъ этотъ можетъ быть, и существовалъ, да мы его не замѣчали. А если мы, скажу на это, т. е. всѣ не замѣчали, то онъ и не типъ. Типъ, я разумѣю, съ той поры и становится типомъ, когда онъ повторился много разъ или много разъ былъ замѣченъ, приглядѣлся и сталъ всѣмъ знакомъ. Въ этомъ смыслѣ можно про него сказать тоже самое, что про (описка: „по“) звукъ. Звукъ тогда только становится звукомъ, когда звучитъ кому нибудь т. е. когда есть ухо, которое его слышитъ, а дотолъ оно есть только сотрясеніе или колебаніе воздуха.

Оставлю эту метафизику и физику и скажу, что я собственно разумѣлъ его т. е. по па типомъ отъ нигилизма, слѣдовательно и недавнимъ, неуспѣвшимъ наслоиться, такъ какъ [зачеркнуто: „типъ“] нигилизмъ [зачеркнуто: „едва ли“] явленіе тоже весьма нестарое, начинающееся уже и разлагаться.

Подъ типомъ я разумѣю нѣчто очень коренное—долго и на долго устанавливающееся и образующее иногда рядъ поколѣній. Напримѣръ, Островскій изобразилъ всѣ типы купцовъ-самодуровъ и вообще

самодурскихъ старыхъ людей, чиновниковъ, иногда баръ, барынь—и также типы молодыхъ кутилъ. Но и эти молодые типы уже не молоды, они давно наплодились въ русской жизни—и Островскій взялъ ихъ—а другихъ, новѣйшихъ, которые уже родились, не пишетъ, потому именно, мнѣ кажется, что они еще не типы, а молодые мѣсяцы—изъ которыхъ неизвѣстно что будетъ, во что они преобразятся и въ какихъ чертахъ застынутъ на болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы художникъ [зачеркнуто: „можетъ“] могъ относиться къ нимъ, какъ къ опредѣленнымъ и яснымъ, слѣдоват. и доступнымъ творчеству образамъ.

И я зналъ попа, если не атеиста, какого Вы знали, то уже вовсе—не православнаго—но онъ не только не составлялъ типа, но—ни елика подобія не имѣлъ, а былъ какимъ-то Хлестаковымъ, которому изъ тщеславія хотѣлось вертѣться между умными людьми. И это очень давно, когда еще едва прорѣзывался нигилизмъ.

Учитель Вашъ, о которомъ я забылъ упомянуть—едва задѣтъ, но уже представляетъ мягкую симпатичную фигуру.

Извините, почтеннѣйшій Оедоръ Михайловичъ, что я опять заговорилъ съ Вами о типахъ и попахъ—но право это (повѣрьте искренности)—лишь отъ удовольствія обмѣняться съ Вами нѣсколькими живыми мыслями, какъ бы мы обмѣнялись ими на словахъ.

Сегодня я торжественно внесъ Вашу первую половину въ комитетъ, что принято было съ болѣе шимъ сочувствіемъ и имя Ваше внесено въ списокъ участвующихъ, а рукопись я взялъ назадъ, чтобы представить въ будущее засѣданіе вмѣстѣ со второю половиною. Засѣданіе будетъ въ Понедѣльникъ, 18-го февр. в 2 часа.—

Такъ какъ Вы сочувствуете этому предпріятію не одними словами, а и дѣломъ, то считаю особымъ удовольствіемъ увѣдомить Васъ, что книжка уже собрана вся, за исключеніемъ двухъ-трехъ ожидаемыхъ статей (Островскаго, Кохановской и еще кого-то)—бумага въ началѣ будущей недѣли будетъ готова и слѣдовательно приступлено уже къ набору.—Судя по составу и по авторамъ, книжка будетъ, кажется, смѣемъ сказать, не одною только спекуляціею, но и дѣйствительно замѣчательною книгою.

Я исполнилъ, какъ Вы указали т. е. отобралъ листки съ 19 по 26, именно съ той строчки которая начинается: „Однажды въ Іюль“ и до конца—и оставилъ ихъ у себя, чтобы вручить Вамъ при свиданіи, въ надеждѣ получить отъ Васъ вторую половину—и обѣ вмѣстѣ, если можно, въ Понедѣльникъ доставить в Комитетъ.

Прошу Васъ вѣрить моему искреннему почтенію и преданности

И. Гончаровъ.

4.

19 Февр. 74.

Я пробѣжалъ и вторую половину Вашихъ картинокъ, многоуважаемый Федоръ Михайловичъ, также легко, какъ любой наборщикъ—и это чтеніе нисколько не повредило общему хорошему впечатлѣнію.

Комитетъ сдалъ уже Вашу рукопись в типографію и на дняхъ, секретарь ком. Г. Ефремовъ пришлетъ Вамъ корректуру, которую нужно будетъ возвращать къ нему же—такъ какъ онъ будетъ посредникомъ между авторами и типогра-

фіями.—Не знаю только, вѣрно ли названіе Картинки? Подъ этимъ названіемъ, кажется, на литературномъ жаргонѣ [зачеркнуто: „называются“] привыкли разумѣть чуть ли не пейзажики: а впрочемъ—ничего!

Увѣдомляя Васъ о полученіи рукописи—прошу Васъ быть увѣреннымъ въ полнѣйшемъ и постоянномъ уваженіи и преданности

И. Гончаровъ.

5.

8 Марта 74.

Ваше письмо, многоуважаемый Федоръ Михайловичъ, застало меня въ такой же тревогѣ, въ какой находитесь и Вы, на счетъ неприсылки корректуры.

Я тоже не получалъ до сихъ поръ коррект. листов и сейчасъ заходилъ къ Некрасову узнать, нѣтъ ли какой-нибудь остановки. Но у него гости,—и онъ едва успѣлъ мнѣ сказать, что которая-то изъ типографій дѣйствуетъ вяло, но что весь наборъ уже почти готовъ и заразъ разошлутъ всѣмъ корректуры.

Я этимъ не удовольствовался и сейчасъ же сообщаю о Вашемъ и своемъ желаніи получить корректуру, секретарю Комитета, Г. Ефремову.

Надѣюсь, что завтра или послѣзавтра мы оба будемъ удовлетворены.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

Примечания.

1.

Об осуществлении перевода „Мертвого дома“ Деяво ничего неизвестно. В печати французские переводы из Достоевского стали появляться очень поздно,—в восьмидесятых годах (см. „Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского“, сост. А. Г. Достоевской. П. 1906, стр. 232 сл.).

Николай Петрович Боткин—брат знаменитых Вас. Петр. и Сергея Петр. Боткиных.

2.

Салтыков начинает свою статейку.—М. Е. Салтыков поместил в „Складчине“ (стр. 129-138) очерк под названием „Город“.

Мы должны были отказаться от статьи Авдеева.—Действительно, в „Складчине“ не находим произведения М. В. Авдеева, популярного романиста и критика.

3.

Вашу первую половину в комитет,—т. е. в редакционный комитет „Складчины“ первую часть „Маленьких картинок“, где говорится о пассажирах железных дорог.

Двух-трех ожидаемых статей (Островского, Кохановской и еще кого-то).—Островский поместил в „Складчине“ отрывок: „Трудовой хлеб. Сцена из жизни захолустья“ (о причинах его запоздания см. в письмах к Некрасову—„Бирюч Петроградских Государственных Театров“, II сборник, 1920, стр. 193-197), а Кохановская—„Словесную корку хлеба“. Впрочем, в предисловии к сборнику сказано: „краткость срока, конечно, была причиной и того, что некоторые писатели, заявившие полное сочувствие к делу, не успели доставить свои труды“; имена их не указаны.

5.

Я тоже не получил до сих пор корректур.—Сам Гончаров поместил в „Складчине“: „Из воспоминаний и рассказов о морском плавании“—дополнение к „Фрегату Паллада“ (в собрание сочинений вошло под заглавием: „Через двадцать лет“).

Сообщено... Ефремову.—Это письмо Гончарова к Ефремову неизвестно в печати. Другое—от 16 декабря 1873—см. в альманахе „Огни“, кн. I, стр. 212.

Д. В. Григорович.

Единственное письмо Дмитрия Васильевича,—долголетнего друга и школьного товарища Федора Михайловича, свидетеля первых литературных успехов автора „Ведных людей“ и, много позднее (через 35 лет), очевидца всеобщего признания и преклонения перед властно-покоряющим гением Достоевского, на склоне лет его жизни, в великие дни Пушкинских торжеств в Москве 8 июня 1880 г.,—слишком слабый след для их многолетней дружбы. Быть может, склонность Дмитрия Васильевича к живому общению, предпочтение им, при его живом характере, личной беседы и встреч письменным сообщениям,—в значительной степени объясняет эту скудость переписки.

Обращение к Федору Михайловичу писано Дмитрием Васильевичем во время нездоровья. Позднее Дмитрий Васильевич пишет о том же и Анне Григорьевне. Ходатайство было удовлетворено. Скульптор Леопольд Бернгардт Бернштам вылепил удачный бронзовый бюст, который очень понравился Анне Григорьевне Достоевской (находится в Пушкинском Доме при Академии Наук; см. «Ф. М. Достоевский», Выставка в память столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского в Пушкинском доме»). Путеводитель. П., 1921, стр. 9; фотографический снимок

с бюста дан в „Известиях кн. магазинов“, Т-ва М. О. Вольфа, 1901, № 3-й). Этот скульптор снял с Федора Михайловича через несколько часов по кончине гипсовую маску, ныне хранящуюся в комнате имени Ф. М. Достоевского в Москве, в Росс. Историческом Музее.

1.

Дорогой другъ

Федоръ Михайловичъ,

Молодой скульпторъ Л. Ад. Бернштамъ убѣдительно проситъ Васъ дозволить ему вылѣпить Вашъ бюстъ. И я прошу Васъ о томъ же, ради того, что это дастъ возможность молодому даровитому человѣку выставить свои способности и кромѣ того заработать что нибудь за свой трудъ. Надо бы просить объ этомъ по настоящему Анну Григорьевну,—да ужъ надѣюсь и Вы не откажете. Что же Вы до сихъ поръ не посѣтили ни выставки Пушкина, ни картины Куинджи (Ночь на Днѣпрѣ). А я все поджидалъ Васъ чтобы кстати показать Вамъ и нашу школу, музей и библіотеку.

Столь же Вамъ преданный, сколько и уважающій

Васъ Григоровичъ.

6 Ноября
1880 г.

Аннѣ Григорьевнѣ мой усердный поклонъ.

2.

Милостивая Государыня

Анна Григорьевна,

Не откажите молодому художнику исполнить бюстъ Федора Михайловича; онъ его сдѣлалъ бы

очень хорошо. Съ этимъ отчасти сопряженъ расчетъ на полученіе за работу званія Академика и также на успѣшную продажу бюста.

Уговорите Федора Михайловича; скульпторъ не долго будетъ его беспокоить.

Душевно Вамъ преданный

Григоровичъ.

20 Янв.
1881 г.

На конверте:

Ея Высокородію Милостивой Государынѣ Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской. Отъ Григоровича.

Д. В. Григорович—М. М. Достоевскому.

Сохранились три письма Дмитрия Васильевича Михайлу Михайловичу; два изъ нихъ (1 и 3) не датированы автором. Первое письмо, судя по упоминанию в нем о повести, написанной для „Москвитянина“, подъ которой следует разуместь рассказ „Прохожий“ (напеч. в „Москвитянинѣ“ в первой книгѣ 1854 г.), необходимо датировать 1853 годом.

Третье письмо следует относить къ концу 1861 года. В нем речь идет о расчетѣ за статью об Андалузии („Уголок Андалузии“), очевидно, той, что напечатана в десятой книгѣ „Времени“ за 1861 год. Это очевидно из того, что Дмитрий Васильевич определяет размер ея—четыре печатных листа, что вполне совпадает с размером названной статьи (она занимает стр. 364—434, т.-е. 70 стр. или, по определению автора в 3-м письме, 4 листа и 6 страниц—см. 32 стр.).

1.

Сентября 10. Дулебино.
[1853 г.] *).

Съ тѣхъ поръ какъ Вы уѣхали, Достоевской, я частенько думалъ писать къ вамъ; не состоялось это потому, что все это время я работалъ какъ батракъ спѣша окончить извѣстную вамъ повѣсть. Слава Богу довелъ ее кой-какъ до конца и долженъ сказать вамъ спасибо за добрый совѣтъ.

*) Даты в квадратных скобках принадлежат редакции; в подлиннике их нет.

Первую главу передѣлалъ всю, стараясь припомнить что вы говорили,—и благодаря этому,—вышло кажется недурно. Вся же повѣсть,—ни то ни се,—такъ себѣ!—какъ говорится.—но какъ бы там не было, для Москвитянина она будетъ находкою ¹⁾. (Ce qui ne veut encore rien dire). Ну, да Богъ съ нею! Скучаю, Достоевской, страшно скучаю. Если бы Вы только могли видѣть что стало теперь съ нашими окрестностями, которыя вамъ такъ нравились и вообще со всѣмъ уѣздомъ. Куда только это дѣвалось! Все расплылось, разѣхалось и замѣсилось въ одну непроходимую пустыню грязи. Нужно вамъ сказать что дождь лилъ двѣ недѣли съ половиною не переставая. Не знаю какъ у васъ,—убрались ли заблаговременно до ненастья,—но у насъ все почти пропало; овесъ скошенный и захваченный ливнями пустилъ стебель и приростъ къ почвѣ.—Нѣтъ, право плохо жить осенью въ деревнѣ, да и вообще плохо. Тоска такая одолѣла меня, что не будь у меня вѣтренной головы которая рѣшительно препятствуетъ мнѣ заняться дѣломъ въ Петербургѣ (а заняться надо)—я бросилъ бы всю свою рѣшимость и вопреки здравому разсудку уѣхалъ бы въ Петербургъ. Странное дѣло со мною дѣлается,—и то замѣтите, каждый годъ: живешь в Петербургѣ,—живешь со всею возможностью сходитьсѣ каждый день съ людьми по сердцу,—и со всѣмъ тѣмъ, почему то рѣдко видишься съ ними,—а видишься такъ словно нехотя. Очутившись разъ здѣсь,—сума схожу что не пользовался обществомъ этихъ самыхъ людей, такъ напр. в настоящую минуту и дивлюсь себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ клянусь себя что не жилъ живши с Бекетовыми. ²⁾ Пожалуйста Достоевской, познакомьтесь съ ними. Вы еще прежде говорили мнѣ что хотѣли бы это сдѣлать. Домъ Бекетовыхъ вѣрно будетъ

для васъ такимъ же теплымъ и отводящимъ душу уголкомъ какъ былъ онъ для многихъ изъ вашихъ знакомыхъ. Объ адресѣ ихъ узнаете в Адмиралтействѣ отъ чиновника Смирнова (извѣстнаго меломана). Не знаю рѣшительно что думать о Краевскомъ³⁾. Хотя бы слово написалъ съ тѣхъ поръ я съ вами видѣлся. Дѣло однакожъ не бездѣлица, какъ для него такъ и для меня. Не знаю ничего о судьбѣ моей повѣсти, — и признаюсь Вамъ, — это меня беспокоитъ. Ужъ не запретила ли цензура? — Вотъ было бы славно! Я все однако жъ не унываю, думаю что пришлетъ денегъ, — ну не было лѣтомъ, должны же быть наконецъ осенью и по всѣмъ законамъ справедливости скорѣе я могу быть ему долженъ, нежели онъ мнѣ. Пять сотъ рублей, — для него плевое дѣло, тогда какъ для меня не бездѣлица. Ради Бога, Достоевской, замолвите при случаѣ объ этомъ слово Краевскому. Скучно писать ему. — Сдѣлайте это хоть *par esprit de camaraderie*. Предположенный романъ изъ провинціаль: быта, обдумывается, и по всему сдается, — будетъ недуренъ; нѣтъ такого дня гдѣ бы не являлась новая замѣтка в записной книгѣ⁴⁾. Думаю отдать его Краевскому, въ томъ, разумѣется случаѣ если онъ будетъ сообщителенъ и въ ладахъ со мною. Отечеств. зап. и повѣсти вашей⁵⁾ еще не получалъ и думаю посланный на почту привезетъ. Если бы вы прожили хоть одну осень въ деревнѣ, я не сталъ бы васъ просить писать мнѣ — вы и безъ того сдѣлали бы это зная что такое письмо отъ добраго пріятели. Теперь же прошу васъ не забыть меня вовсе; будьте увѣрены что скажу вамъ спасибо самое искреннее. Кланяюсь всѣмъ вашимъ а вамъ жму руку.

Прощайте
Вашъ Дм. Григоровичъ.

Р. С. Увидите Бекетов. скажите имъ что жду ихъ весною ѣхать в Крымъ. Если можно увѣдомьте, когда будетъ напечатана моя повѣсть.

2.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, получите вы обѣщанную статью, дорогой Михаилъ Михайловичъ. Печатайте ее когда найдете для себя удобнымъ; но я все таки останусь при прежнемъ мнѣніи и буду просить васъ объ одномъ и томъ же: пожалуйста не раздѣляйте статью на два номера и печатайте ее цѣликомъ; впечатлѣніе на которое я рассчитываю тогда только будетъ полное⁶⁾. Такъ какъ въ ней довольно много иностранныхъ словъ, дайте замѣтить корректору чтобы онъ былъ внимателенъ и не лѣнился сличать корректуру съ оригиналомъ. Прошу васъ также не забыть велѣть оставить мнѣ одинъ оттискъ; онъ мнѣ нуженъ, потому что, въ будущемъ году, всѣ отдѣльные отрывки моего путешествія будутъ собраны и напечатаны вмѣстѣ⁷⁾. Не забудьте также, прошу васъ, — велѣть сохранить въ типографіи рукопись. Касательно денежныхъ расчетовъ, — мы уже уговорились. Деньги (60 рб. съ листа) — останутся пока у васъ до моего возвращенія въ Петерб. которое будетъ вѣроятно не скоро. Вообще, повторяю вамъ, — расчеты со мною ни въ какомъ случаѣ не должны стѣснять васъ. Откровенность и нецеремонность со мною въ этомъ случаѣ, докажетъ только, что вы во что нибудь ставите наши двадцатилѣтнія дружескія отношенія. Вотъ еще что: пожалуйста велите мнѣ тотчасъ же выслать журналъ; вѣроятно меня забыли вписать въ число иногородныхъ подписчиковъ: я не получилъ еще ни одной книжки. Последняя которую я самъ взялъ въ конторѣ была Іюньская; мнѣ слѣ-

дуетъ выслать съ Іюля. Жду нетерпѣливо, ибо не прочелъ еще эпилога романа Оед. Мих. ⁸). Какъ только окончу для Современ. повѣсть Два генерала ⁹),—сію же минуту, примусь за рассказъ или повѣсть для Времени ¹⁰). Безъ этого не прїѣду въ Петербургъ. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте сердечно васъ любящаго

Д. Григоровича.

Дулебино
24 Сентября
1861 г.

3.

[Конецъ 1861 г.]

Совершенно противъ воли принужденъ беспокоить васъ денежною просьбой, добрый Михайль Михайловичъ; обстоятельства такія, что просто приходится хоть оставлять деревню и переселяться на городское житье; въ эти 5 мѣсяцевъ, несмотря на всевозможную экономію,—я прожилъ здѣсь всѣ сбереженные деньги. Приступу никакъ нѣтъ. Теперь у васъ денегъ много, подписка,—слышно идетъ блистательно,—и вамъ не трудно будетъ удовлетворить мою просьбу: по расчету мнѣ приходится за 4 листа и 6 страницъ,—считая какъ условлено было по 60 рб. за листъ,— всего 262 р. 50 коп.—Дайте женѣ моей 200 рб.,—она распишется въ полученіи, а остальные 62 р. получу въ маѣ когда прїѣду. Работаю много хотя очень внимательно; надѣюсь къ веснѣ имѣть возможность снова уѣхать въ Англію. Получилъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ хвалятъ мою статью

объ Андалузїи ¹¹); надо думать отзывы эти скорѣе внушены дружескимъ чувствомъ чѣмъ истиной.—

Прощайте, будьте здоровы.

Любящ. васъ

Григоровичъ.

Поклонитесь отъ меня Милюкову ¹²) и Оедору Михайловичу.

На четвертой стр.:

Его Высокоблагородію Михаилу Михайловичу Достоевскому.

Примечания.

1. Очевидно, речь идет о рассказе „Прохожий“, танном в „Москвитинѣ“ (1-ая книга за 1854 г.), позднее, в 1856 г., в Сб. „Для легкаго чтенія“ (СПб., 1856 г.) и появившемся в отдельном изданіи 1856 г. и 1872 г.
2. Семья Бекетовых, о которых так восторженно и с уваженіем отзывался Григорович,—литературная и чрезвычайно культурная семья известнаго профессора—ботаника петерб. университета и типичнаго представителя любопытной эпохи 50—60 г. г., Андрея Николаевича Бекетова, деда известнаго поэта А. А. Блока, и его брата знаменитаго химика Николая Николаевича Бекетова. Жена Андрея Николаевича Елизавета Григорьевна,—дочь известнаго натуралиста путешественника Г. С. Корелина, много переводила для журналов и изданій, выходивших под редакціей ее мужа. Ей, напр., принадлежит перевод примечаній к „Истории цивилизации Англіи“ Бокля.—Елизавета Григорьевна печатала свои переводы в журнале Достоевских „Время“, особенно в 1861 году. Из этого можно заключить, что Достоевскіе с домом Бекетовых стали знакомы, чего хотел и Григорович. (См. подр. у С. А. Венгерова—„Критико-биографическій словарь русских писателей и ученых“, т. II, стр. 353 и сл. Птрб. 1891 г.).
3. Краевскій Андрей Александрович—известный журналист (1810—1889). В те годы редактировал журнал

- „Отечественные Записки“. В его журнале Дмитрий Васильевич помещал свои произведения. О судьбе какой повести в данном письме Дм. В. выражает недоумения и просит дружеского содействия у Мих. Мих.—неизвестно.
4. Романом из провинциального быта Дмитрий Васильевич, очевидно, называет роман „Переселенцы“—роман из народного быта, который он поместил у Краевского в „Отечественных Записках“, № № 11—12 за 1855 и № № 4—8 за 1856 г.
 5. М. б., Дмитрий Васильевич ожидал от Мих. Мих. его повесть, напечатанную в предыдущем году (1852 г.) в „Пантеоне“ (март), под названием „Брат и сестра“.—В „Отечественных Записках“ Мих. Мих. поместил в 1848, 1849 и 1850 г. ряд повестей: „Дочка“ (1848), „Г-н Светелкин“ (1848), „Воробей“ (1849), „Два Старичка“ (1849) и „Пятьдесят лет“ (1850). Какую из этих повестей слал Мих. Мих., определенно сказать нет данных.
 6. Статья Д. В. Григоровича „Уголок Андалузии“ (Из путевых записок), посвященная А. И. Якунчиковой, значительна по размерам, но напечатана, как просил автор, в одном номере „Времени“ (10 книга за 1861 г.) и занимает стр. 364-434.
 7. Это издание оказалось выполненным только в 1873 году под назв. „Корабль Ретвизан“. Отрывки же в виде отдельных глав печатались, помимо „Времени“, ранее под названием „Корабль Ретвизан“ (Год в Европе и на европейских морях) в „Морском Сборнике“ 1859—1862 г. г., „Современнике“ 1860 г. № 3, и, наконец, „Времени“ 1863 г.
 8. Роман Ф. М. Достоевского, о котором говорит Григорович, „Униженные и оскорбленные“—печатался в „Времени“ кн. 1—7 за 1861 г.
 9. Повесть „Два генерала“ напечатана была однако в „Русском Вестнике“ 1864 г.,—1 и 2, а не в „Современнике“. Видимо, отношения Дмитрия Васильевича с Краевским и в это время не стали более дружественными.
 10. В последних книгах „Времени“ за 1861 г., кроме отрывка об „Уголке Андалузии“ в сентябрьской книге, из произведений Григоровича ничего нет.
 11. См. о статье этой в примечании 6.
 12. Милоков Александр Петрович, друг братьев Достоевских Ф. М. и Мих. Мих. (1817—1897 г. г.)—педагог и писатель, выступивший последователем Белинского при жизни критика, автор нашумевшего в свое время „Очерка истории русской поэзии“ (1847 г.). Знакомство с Ф. М. у

Милокова началось по кружку Петрашевцев, по делу кружка он был арестован на три дня. По возвращении Ф. М. из ссылки они опять сблизились. Письма Ф. М. к нему сохранились в небольшом количестве; опубликованы Б. Л. Модзалевским в сб. „Ф. М. Достоевский“.—Статьи и материалы под ред. А. С. Долинина. П. 1922 г. После смерти Ф. М., А. П. написал воспоминания о Ф. М. (нап. „Русская Старина“, 1881, март.); воспоминания А. П. надо признать ценными, т. к. А. П. был свидетелем очень значительного момента в жизни Ф. М.—его прощанья и беседы с братом перед отъездом в каторгу. А. П. оживил свои воспоминания публикацией некоторых материалов,—напр. отрывки из письма Ф. М. в день казни...

Д. В. Григоровичъ—А. Гр. Достоевской.

Милостивая Государыня

Анна Григорьевна,

Съ величайшею радостью принялъ бы я участие въ вечерѣ, но къ истинному моему сожалѣнью, я жестоко простудилъ горло и не только не въ состоянїи читать, но не выхожу даже изъ дому. Очень сожалѣю что не могу еще разъ доказать мою всегдашнюю готовность служить вамъ.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи и преданности

Д. Григоровичъ.

7 Марта *) 1886 г.

На конверте адрес:

Здѣсь. По Лиговкѣ, на углу Гусева переулка, д. № 8, кв. 10. Ея Высокородію Аннѣ Григорьевнѣ Достоевской.

*) Рукой Анны Григорьевны карандашемъ надписано: 1886.

Примечанія.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ по нездоровью отказался принять участие въ устроенномъ Анной Григорьевной литературномъ вечерѣ 10 марта 1886 года въ пользу Старорусской школы имени Федора Михайловича Достоевскаго. Такие вечера Анна Григорьевна устраиваетъ въ теченіе ряда летъ 1882—1886 и сл. г. г., желая материально поддержать дорогое для нее созданіе—школу имени Ф. М.

Школа въ Старой Руссѣ, гдѣ жилъ целый годъ (въ 1874—1875 г. г.) Ф. М. Достоевскій съ семьей, была открыта 30 окт. 1883 года. Съ того времени чуть не каждый годъ она увеличивалась и расширялась благодаря заботамъ о ней самой Анны Григорьевны, обращавшейся за пожертвованіями денегъ и книгъ для школы какъ къ литературнымъ, такъ и многимъ другимъ друзьямъ и почитателямъ ея мужа и устройствомъ въ Петербургѣ въ теченіе ряда летъ литературныхъ вечеровъ; а на мѣстѣ школы устраивалась благодаря трудамъ строителя ея, друга Ф. М. Достоевскаго, свящ. Иоанна Румянцева. Въ 1885 году для школы было выстроено двухъ-этажное зданіе, въ 1896 году она была преобразована во второклассную; по словамъ историка Старой Руссы, В. Д. Пылаева, эта школа имела большое значеніе для распространенія въ городѣ женскаго образованія (См. стр. 146—147 въ книгѣ Вл. Пылаева—Старая Русса. I-я часть. Историческій очеркъ города. Сергіевъ Посадъ. 1916 г. Здѣсь же изложена подробная исторія созданія школы, отмечены факты благожелательнаго отношенія къ ней и къ имени Ф. М. города).

П. И. Мельников.

Официальное письмо П. И. Мельникова по поводу готовившегося юбилея М. В. Ломоносова ничего не дает для характеристики взаимоотношений корреспондентов. Оно только еще раз устанавливает значение и вес Достоевского в общественно-литературных кругах к половине шестидесятых годов: Достоевский приглашается в число почетных распорядителей на ряду с Гончаровым, Костомаровым, Ламанским, Майковым, Серовым.

Ответное письмо Достоевского неизвестно, как и вообще нет других писем между ним и Мельниковым.

О Ломоносовском празднике П. И. Мельников вскоре издал отдельную брошюру: „Описание празднества, бывшего в Петрограде 6—9-го апреля 1865 года по случаю столетнего юбилея Ломоносова“. СПб. 1865. 46 стр.

Милостивый Государь

Федоръ Михайловичъ.

Почитатели памяти Ломоносова испросили позволение праздновать въ Петербургъ юбилей Ломоносова 6 апрѣля (въ самый день кончины М. В.

4 апрѣля будетъ Свѣтл. Воскр. и потому юбилей не возможенъ). Программа его: обѣдня и панихида на могилѣ въ Лаврѣ, обѣдъ въ Дворян. Собраніи съ рѣчами, стихами и цѣлымъ концертомъ (русская опера), а 8 апрѣля спектакль въ Маріинскомъ театрѣ.

Распорядители поручили мнѣ обратиться къ вамъ съ предложеніемъ—не угодно-ли Вамъ будетъ принять участіе въ юбилей и быть въ числѣ распорядителей.

Объ отвѣтѣ покорнѣйше прошу Васъ.—Адресъ Е. П-ву Павлу Иван. Мельникову въ Троицкомъ переулкѣ домъ Локунова.

На оборотѣ Вы найдете списокъ распорядителей.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

П. Мельниковъ.

12 Марта 65.

Анненковъ Пав. Вас.
Бестужевъ-Рюминъ К. Н.
Богдановичъ М. М.
Боткинъ С. П.
Гр. Воронцовъ-Дашковъ И. И.
Кн. Гагаринъ Г. Г.
Галаховъ А. Д.
Гончаровъ И. А.
Дубовицкій П. А.
Достоевскій Ф. М.
Дудышкинъ С. С.
Ивашинцовъ Н. А.
Карамзинъ В. Ник.
Ковалевскій Ег. П.
Костомаровъ Н. И.

Кояловичъ М. О.
Краевскій А. А.
Ламанскій В. И.
Лазаревскій В. М.
Майковъ А. Н.
Маркевичъ Б. М.
Мельниковъ П. И.
Перевошиковъ Д. М.
Погребовъ Н. И.
Полонскій Я. П.
Семеновъ П. П.
Срезневскій И. И.
Сѣровъ А. Н.
Ходневъ А. И.

Гр. Шуваловъ А. П.
Гр. Шуваловъ П. П.
Гр. Шуваловъ П. А.
Гр. Шуваловъ П. Г.
Кн. Щербатовъ Гр. А.
Щербина Н. Ф.

Сверхъ того если будутъ въ Петербургѣ на
Пасхѣ Гр. Шуваловъ рижскій Генераль-Губерна-
торъ и свѣтлѣйшій кн. Воронцовъ.

Н. А. Некрасов.

Большая часть писем Н. А. Некрасова к Ф. М. Достоевскому относится к концу 1874 и началу 1875 г. г., к тому времени, когда Ф. М., живя в Старой Руссе (Новгородской губ.¹⁾), писал роман „Подросток“, печатавшийся в „Отечественных Записках“.

„В апреле этого года, — рассказывает Анна Григорьевна в своих воспоминаниях (цитируем по рукописи), — приезжал к нам Н. А. Некрасов просить Федора Михайловича поместить его будущий роман в „Отечественных Записках“ на 1875 г. Федор Михайлович был рад возобновлению дружеских отношений с Некрасовым, талант которого он высоко ставил; был доволен также и тем обстоятельством, что Некрасов предложил цену на сто рублей выше, чем получал Федор Михайлович в „Русском Вестнике“, то-есть 250 рубл. за лист, а это при обычном размере романов Ф. М. (40—50 печ. листов) составляло для нас крупную сумму. Но в этом деле была и тяжелая для Федора Ми-

¹⁾ Письмо от 20 августа 1875 г. сохранилось в конверте с адресом на Старую Руссу и печатью „Главная контора Отечественные Записки“ и двумя почтовыми штемпелями: 1) СПб., 21 августа 1875 г., 1-я экзп.; 2) Старая Русса, 22 августа 1875 г.

хайловича сторона: „Отечественные Записки“ были журналом противоположного лагеря и еще так недавно, во время редактирования Ф. М. журналов „Время“ и „Эпоха“, вели с ними ожесточенную борьбу. В составе редакции О. З. находилось несколько литературных врагов Ф. М.: (Михайловский, Скабичевский, Елисеев, отчасти Плещеев), и они могли потребовать от Ф. М. изменений в романе в духе их направления. Но Федор Михайлович ни в каком случае не мог поступиться своими убеждениями. „Отечественные же Записки“ в свою очередь могли не захотеть напечатать иных мнений Федора Михайловича, и вот при первом сколько-нибудь серьезном разногласии Ф. М., несомненно, потребовал бы свой роман обратно, какие бы ни произошли от этого для нас последствия. В письме 20 декабря 1874 г. он говорит о том, что готов просить милости“.

В неопубликованном пока письме к Анне Григорьевне Ф. М. из Старой Руссы 20 декабря 1874 г. писал:

„Вчера прочелъ въ „Гражданинѣ“ (можетъ и ты уже тамъ (въ Петербургѣ), слышала), что Левъ Толстой продалъ свой романъ въ Русскій Вѣстникъ, въ 40 листов, и онъ пойдетъ съ января,—по пятисот рублей с листа, т. е. за 20.000. Мнѣ 250 р. не могли сразу рѣшиться дать, а Л. Толстову 500 заплатили съ готовностью. Нѣтъ ужъ, слишкомъ меня низко цѣнить, оттого что работой живу.—Теперь Некрасовъ вполне можетъ меня стѣснить, если будетъ что-нибудь противъ ихъ направленія; онъ знаетъ, что в Р. Вѣстникѣ теперь (т. е. на будущій годъ) меня не возьмутъ; такъ какъ Русскій Вѣстникъ заваленъ романами. Но хотъ бы намъ этотъ годъ пришлось милостыню просить, я

не уступлю въ направленіи ни строчки! Не знаетъ ли что Поляковъ о нашемъ дѣлѣ? Кабы хотъ какія-нибудь деньги поскорѣе и на всякій случай получить! А то, пожалуй, останемся какъ раки на мели.

Отъ Некрасова все еще нѣтъ никакого увѣдомленія“.

„Ведь „Русский Вестник“ был единственный тогда журнал, в котором Ф. М. по своим убеждениям мог работать, но теперь „Р. Вестник“ был для Ф. М. почти недоступен. Катков приобрел для журнала „Анну Каренину“ Л. Н. Толстого и вряд ли мог или захотел бы сделать в том же году еще новую крупную затрату на приобретение романа Федора Михайловича“, сообщает Анна Григорьевна.

Письма эти имеют прямую связь с двумя являющимися ответными¹⁾ письмами Ф. М. к Н. А., напечатанными в „Некрасовском Сборнике“, изд. под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова (Петроград, 1918 г., стр. 96—97). По этим письмам Федора Михайловича к Николаю Алексеевичу „можно судить, как говорит редакция „Некрасовского Сборника“, о процессе и ходе работы над „Подростком“ и о необычайно заботливом отношении Достоевского к своему детищу (см. предисл., стр. 93, там же),—печатаемые с подлинника письма Николая Алексеевича говорят о неустанной работе Н. А., как редактора журнала и друга того писателя, произведения которого он печатает в своем журнале. Редакция „Некрасовского Сборника“ почему-то нашла в опубликованных ею

¹⁾ 1-е письмо Ф. М. 20 октября 1874 г., ответ на письмо Н. А.—от 12 окт 1874 г. (см. № 3), 2-е письмо Ф. М. (от 26 марта 1875 г.), ответ Н. А. на письмо—от 19 марта 1875 г. (см. № 6).

двух письмах обнаруживаемый Достоевским интерес к „поэзии Некрасова“, тогда как в письмах нет и намек на это. Письма Ф. М. и Н. А., в действительности, дружеские по тону, отличаются чисто деловым, практическим характером: оба писателя сухо обсуждают сроки и высчитывают дни и числа сдачи материала в редакцию для помещения его в текущей книге журнала.

Письма кладут грани для различия времен дружбы и разногласий между Достоевским и Некрасовым. Дружеские отношения их, порвавшись со ссылкой Достоевского, возобновились в начале 60-х г. г. на недолгое время, и после более чем десятилетнего периода расхождения писателей они вновь наладились и порвались со смертью Некрасова.

Тяжело пережил кончину Некрасова Достоевский.

„С ноября 1877 г. Ф. М., — пишет в своих воспоминаниях Анна Григорьевна, — находился в очень грустном настроении: умирал Н. А. Некрасов, давно страдавший какою-то мучительною болезнью. С Некрасовым для Ф. М. соединялись воспоминания о его юности, о начале его литературной карьеры. Ведь Некрасов был один из первых, кто признал талант в Ф. М. и содействовал его успехам в литературе. Правда, впоследствии они разошлись, и в шестидесятых годах между редакциями „Время“ и „Отеч. Запискам“ шла ожесточенная полемическая борьба. Но Ф. М. не помнил зла, и когда Некрасов пригласил его поместить роман в „Отеч. Зап.“, то Ф. М. возобновил свои дружелюбные отношения к Некрасову. Тот искренно отвечал на них. Узнав, что Некрасов опасно болен, Ф. М. заходил к нему, иногда просил ради его прихода не будить

больного, а лишь передать ему приветствие; иногда заставлял Некрасова бодрствующим, и тогда Некрасов читал ему свои новые стихи, подарил Ф. М. свои стихотворения и, указывая на одно из них (поискать, какое), сказал: „Это я имею в виду про вас написал“. Вообще последние свидания с Некрасовым оставили в Ф. М. глубокое впечатление, а потому когда 27 декабря он узнал о смерти Некрасова, то был до-нельзя поражен. Я в виду возбуждения опасалась припадка, а потому до утра просидела в кабинете Ф. М., а он (зачеркнуто: „взяв стихо“) читал вслух стихотворения Некрасова, искренно восхищаясь многими из них и признавая их настоящими перлами русской поэзии.

Ф. М. бывал на панихидах по Некрасову и непременно захотел поехать на вынос его тела и на погребение“.

В день смерти Некрасова Достоевский был на квартире его, у раскрытого гроба. „Воротясь домой, — рассказывает он в „Дневнике писателя“, — я не мог уже сесть за работу; взял все три тома Некрасова и стал читать с первой страницы. Я просидел всю ночь, до шести часов утра, и все эти тридцать лет как-будто прожил снова“. („Дневник писателя“, 1877, декабрь, гл. вторая, I, стр. 417, изд. А. Ф. Маркса, СПб. 1895 г.).

Первое письмо не имеет даты года, но его, несомненно, надо относить к 1862 году. В этом году „Современник“ был приостановлен на 8 месяцев, и в ноябре Некрасов, естественно, мог говорить об ожидаемом вскоре выходе январской книги журнала. Затем упоминание об аресте Н. Г. Чернышевского, происшедшем 7 июля 1862 года, позволяет отнести письмо также к 1862 году; судя по тону, несомненно, все письмо с его известием о Чернышевском, о тол-

ках в Москве написано в момент всех событий, под свежим впечатлением дошедших вестей о печальных слухах. Такие слухи, действительно, были: Н. К. Михайловский, рассказывая о своих колебаниях примкнуть к „Отечественным Запискам“, добавляет, что колебания эти были вызваны, между прочим, арестом Чернышевского и слухами о неблагоприятном поведении Некрасова в 1862 г. Причиной, породившей такие слухи, была неожиданность и некоторая загадочность ареста Чернышевского 7-го июля 1862 г. Арест был, как теперь, спустя 50 лет, знаем, действительно, неожиданный и без причины, именно Н. Г. был подвергнут обыску, аресту и проч. из-за одного упоминания А. И. Герценом его имени в письме к Серно-Соловьевичу¹⁾. То же подтверждает в своих воспоминаниях М. А. Антонович, случившийся в момент ареста у Н. Г. в квартире вместе с доктором Быковым²⁾. Ясно, что и тени участия в том Н. А. не было.

Второе письмо также не датировано; по содержанию возможно отнести его к 1864 г., когда издание журнала „Эпоха“ шло у Достоевских неудачно; была задержка в выходе книг и даже временная остановка за смертью М. М. Достоевского. В этот момент, видимо, перед Ф. М. стала дилемма: продолжать журнал или приостановить. За советом в эту минуту Ф. М. и обращается к Н. А.; Ф. М. решил продолжать. Но дело было уже сильно попорчено, требовалось выпросить цензурное разрешение издавать журнал. „Дело затянулось так,—рассказывает Ф. М.,—что только в конце августа

¹⁾ См. „Былое“, 1906 г., № 1, 229—232. Здесь М. К. Лемке опубликовано письмо Герцена.

²⁾ См. „Былое“, 1906 г., № 3, 90—94.

могла появиться июньская книжка. Подписчики, которым ни до чего дела нет, стали негодовать“.

Остальные письма датированы самим Н. А. и в особых пояснениях не нуждаются.

1*).

Я поставил себя въ неловкое положеніе, изъ котораго можетъ вывести меня только Ваша деликатность, глубокоуважаемый Оедоръ Михайловичъ. Я общалъ Вамъ 2 стихотв. и не отказываюсь отъ моего общанія, общаю Вамъ ихъ и болѣе, но теперь мнѣ неудобно появиться съ моимъ именемъ въ чужомъ журналѣ. Про меня здѣсь распустили слухи, что я отступилъ отъ прежнихъ сотрудниковъ, набираю новыхъ, измѣняю направленіе журнала, все это завершается прибавленіемъ, что я предалъ Чернышевскаго и гуляю по Петербургу, дошло уже и до Москвы, какъ мнѣ пишутъ, дойдетъ конечно и до провинціи. Въ виду всего этого мнѣ покуда необходимо не подавать новыхъ поводовъ къ двусмысленнымъ толкамъ. Начнетъ выходить Современникъ, дѣло разъяснится для публики, и тогда я исполню мое общаніе. А покуда простите и подождите. Самая опрометчивость, съ которою я далъ Вамъ мое общаніе, не сообразивъ настоящихъ обстоятельствъ, можетъ служить Вамъ порукою моей всегдашней готовности быть полезнымъ Вамъ и Вашему журналу, на сколько могу, при лучшихъ обстоятельствахъ я это докажу на дѣлѣ. Извините меня передъ Михайломъ Михайловичемъ и не сердитесь сами.

Душевно преданный Вамъ

Н. Некрасовъ.

3 Ноября [1862 г.]

* Письма Н. А. Некрасова к Ф. М. Достоевскому были опубликованы в I т. ж. „Красный Архив“ 1922 г. стр. 362—365.

2.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ.

При всемъ желаніи сдѣлать угодное Вамъ, я долженъ отказаться отъ вашего предложенія. Главное, у меня нѣтъ денегъ.

Не знаю, успѣю ли сегодня, но завтра непременно у васъ буду, ибо желалъ бы кое-что сказать Вамъ для соображенія. Напримѣръ, по увѣренію Звонарева, 9 лѣтъ занимающагося конторой „Современника“, вы не достигнете цѣли, если даже устроитесь съ кѣмънибудь, какъ предлагали мнѣ. Ибо—говоритъ Звонаревъ—у васъ непременно съ каждымъ изъ журналовъ половина подписчиковъ однихъ и тѣхъ же. Стало быть, если это такъ, то они потребуютъ другого вознагражденія. А коли для половины, такъ уже лучше разомъ для всѣхъ придумать таковое. Впрочемъ, поговоримъ.

Весь Вашъ

Н. Некрасовъ.

7-го Апрѣля [1864 г.].

3.

12 Окт. 1874. СПБ.

Я очень радъ, что Вы откликнулись, глубокоуважаемый мною Федоръ Михайловичъ. Послѣ лѣтняго кочевья, недавно я осѣдло водворился въ Петербургъ и подумывалъ уже отправиться въ домъ Сливчанскаго, какъ пришло Ваше письмо. Теперь все ясно. Очень радъ, что мы можемъ смѣло рассчитывать на Вашъ романъ съ 1 № От. 3.¹⁾ 1875

¹⁾ „Отечественные Записки“.

включительно, какъ и рассчитывали. До свиданія, въ началѣ декабря; а если не пріѣдете сами, то пришлете рукопись—корректуры могутъ быть посланы къ Вамъ.

Съ 1-го № 1875 года будутъ высылаться Вамъ О. 3., а если хотите имѣть и этотъ годъ, то напишите только.

Добраго Вамъ здоровья и добраго настроенія.

Пред. Вамъ

Н. Некрасовъ.

*4.

20 Октября 1874. Старая Русса.

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Получать От. Записки для меня, в настоящую минуту, не только соблазнительно, но и почти необходимо. За этотъ годъ я читалъ только первые четыре №. Далѣе в Маѣ хотѣлъ было подписаться, но отложилъ до осѣдлаго времени. Теперь я здѣсь сижу прочно, не выѣду всю зиму, а потому и весьма благодаренъ Вамъ за предложеніе получить журналъ теперь же.

Безо всякаго сомнѣнія, я какъ авторъ ничего ровно не могу сказать Вамъ объ успѣхѣхъ или неуспѣхѣхъ работы (т.е. хотя бы съ моей точки зрѣнія). Пишу то я пишу, а выйдетъ то, что Богъ дастъ. При этомъ постараюсь явиться съ Январской книжки. Но во всякомъ случаѣ увѣдомлю Васъ заранѣе, еще в Ноябрь въ концѣ, о ходѣ дѣла. Работу же пришлю (или привезу) ни въ какомъ случаѣ не позже 10-го Декабря.

Благодарю за пожеланіе здоровья и настроенія. Признаюсь, что здоровье досаждастъ мнѣ болѣе

настроений: два припадка сряду падучей, отъ этого очень неприятное настроеніе и именно въ данный моментъ.

Добраго и Вамъ всего желаю и здоровья и начинаний. Не готовите ли чего къ № 1? Очень бы пріятно именно къ 1 №.

Весь Вашъ

Федоръ Достоевскій.

5.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ.

Вашъ романъ набирается, корректура будетъ у Васъ на дняхъ, прочту въ корректуру и тогда Вамъ напишу.

Весь Вашъ

Н. Некрасовъ.

18 Дек. 1874.

6.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ, сегодня наша 1-ая книга поступила въ цензуру, въ среду она появится въ свѣтъ и въ тотъ же день будетъ послана къ Вамъ. Намъ необходимо поскорѣе продолженіе; еслибъ оно было у насъ, то въ эти четыре дня уже было бы набрано. Пожалуйста, пришлите, или увѣдомьте, на какое число ожидать рукописи. А сами Вы пріѣдете сюда въ этомъ мѣсяцѣ?

Весь Вашъ

Н. Некрасовъ.

18 Янв. 1875.

Автограф Н. А. Некрасова.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ,
моя радость, что
романъ будетъ изъ 4 кн.
Тогда до 29 янв 30-и дн
1-й; до того-то еще еще не-
законченъ, потому-то 13-е
Свѣданъ и покажутъ и
предсказанію книги в цен-
суру. Я всѣмъ Вамъ и
спасибо. Смыслъ, по-
близу скрѣпленъ, и описанъ
красиво, и много, и
мы пріѣдемъ и
апрѣлѣ. Будемъ ждать.
Самъ я не могу по-
ехать въ Петербургъ и
поэтому пишу и
вѣдомъ Вамъ спасибо,
Н. Некрасовъ
Рекла

7.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ.

Послѣ завтра выйдетъ наша 3-ья книга. Нуженъ оригиналъ на 4-ую. Увѣдомьте тотчасъ къ какому дню вышлете. Обсудите вообще, будете ли въ состояніи написать на 4 и 5 кн. вторую часть такъ, чтобы насъ не задерживать, т. е. чтобъ доставить оригиналъ на 4 кн. 25—26 марта, а на 5-ую 25 апрѣля. Если бъ въ томъ возникло у васъ хотя малое сомнѣніе, то не лучше ли продлить перерывъ еще на мѣсяць? Или вторую часть разбить, буде позволить содержаніе, на 3 № журнала, съ строгимъ соблюденіемъ вышеписанныхъ сроковъ въ доставкѣ оригинала. То и другое возможно. Отнеситесь къ симъ вопросамъ серьезно.

Весь Вашъ

Н. Некрасовъ.

19 Марта 1875.

8.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ, мы очень рады, что романъ будетъ на 4 кн., ждемъ до 29 или 30-го и даже 1-го; долго-то ждать нельзя, потому что 13-го Святая и накануне надо представить книгу в цензуру.

Я послалъ Вамъ телеграмму. Сроки-то, по правдѣ сказать, я означилъ крайніе, и надѣюсь, что Вы придержитесь ихъ въ апрѣлѣ. Будьте здоровы. Салтыковъ на столько поправился, что въ сію минуту пришелъ ко мнѣ и велитъ Вамъ кланяться.

Весь Вашъ

Н. Некрасовъ.

24 Марта 1875 г.

Старая Русса.

26 Марта 1875 г.

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Вотъ какъ я располагалъ, при самомъ строгомъ расчисленіи.

Къ 25—26 выслать Вамъ листа 3 второй части, а засимъ дослать еще къ 1 и 5 апрѣля,—всего думалъ выслать до 5 листовъ, т. е. первую половину 2-ой части; и выслалъ бы. (При чемъ замѣчу, что 2-ая половина 2-ой части, т. е. на Майскую книжку, была бы нѣсколько менѣе первой, т. е. въ 4 или въ 4½ листа).

Это до Вашего письма. Но получивъ письмо Ваше, вижу, что у Васъ въ срокахъ 25 числа каждаго мѣсяца заключается нѣчто сакраментальное, и дѣйствительно могущее Вамъ вредить, если не поспѣвать къ этому роковому сроку. И потому на Ваши оба предложенія отвѣчаю слѣдующее:

Если разбить на три книги, то для эффекта романа (т. е. собственно для меня) будетъ не совсѣмъ выгодно. А потому вотъ на чемъ остановился:

Къ 25—26 Марта вышлю Вамъ не менѣе 3-хъ листовъ и затѣмъ, никакъ не позже 29-го еще не много, всего отъ 3½ до 4-хъ листовъ (т. е. на 4-ую книгу). Затѣмъ къ 25 Апрѣля вышлю неуклонно уже окончаніе 2-й части.

Такимъ образомъ оставляю все на Ваше рѣшеніе. То есть, если не захотите ждать до 29 Марта—напечатайте только то, что получите къ 26-му. Точно тоже можетъ повториться и къ 25 Апрѣля.

Мнѣ же напротивъ желалось бы, чтобы Вы подождали этотъ кончикъ до 29-го. Признаюсь Вамъ, что и это рѣшеніе для меня тяжелько, не въ смыслъ срока, а въ смыслъ эффекта.

При 5-ти печатныхъ листахъ, т. е. какъ я самъ проектировалъ сначала, кончилось бы несравненно любопытнѣе и яснѣе. Но нечего дѣлать, наверстаю во второй половинѣ второй части. Впрочемъ не тужу.

Переждать же еще мѣсяцъ, т. е. не печатать совсѣмъ и въ Апрѣле, мнѣ кажется вышло бы неловко.

При семъ еще разъ Вамъ повторяю, что говорю лично: не думайте, что я гоню и спѣшу; напротивъ самъ себя упрекаю в излишней кропотливости. Почти весь романъ написалъ уже начерно и я редактирую такъ сказать уже написанное.

Чрезвычайно бы желалъ узнать отъ Васъ (по полученіи Вами къ 26-му) какъ Вы поступите? Мнѣ желалось бы какъ выше сказано: къ 26-му и къ 29-му и потомъ окончаніе 2-й части къ 25 Апрѣля.

Весь Вашъ

Ф. Достоевскій.

10.

30 Апр. 1875 СПБ.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ.

Вместо рукописи, получилъ вчера Ваше письмо. До 2-го можно, конечно, какъ нибудь ждать, но не болѣе. Мы не гонимся за особенною аккуратностію, но неаккуратность должна, такъ сказать, имѣть свой предѣлъ. № 4 вышелъ 25 (вмѣсто 15-го), этотъ № 5 надо выпустить, по крайней мѣрѣ, не позже, а лучше бы поранѣе, ибо на іюнь и іюль я уѣду и боюсь, что безъ меня выходъ книгъ перейдетъ уже въ другой мѣсяцъ. Напишите мнѣ, какъ вы думаете съ третьей частью, имѣйте въ виду, что я въ концѣ

мая уѣду и значить свидѣться или списаться нужно
ранѣе. Присылайте, не сердитесь за ворчанье—
старость подходитъ.

Весь Вашъ

Н. Некрасов.

11.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ.

Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ конторѣ письмо
мнѣ и Вамъ изъ Карабихи, писанное въ отвѣтъ на
Ваше изъ Эмса. Оно пришло позднѣе, чѣмъ Вы
были въ Петербургѣ. Разумѣется, я не имѣю ни-
какой претензіи, что продолженіе романа оттяну-
лось на лишній мѣсяцъ и согласенъ съ Вами, что
прежде всего надо дать автору возможность сдѣ-
лать вещь свою возможно лучше.

На 9-й № навѣрно рассчитываемъ на Васъ и
ждемъ со дня на день рукописи. Пора. Я теперь
почти постоянно буду въ Петербургѣ.

Весь Вашъ

Н. Некрасовъ.

20 Авг. 1875.

Н. А. Некрасов М. М. Достоевскому.

Милостивый Государь

Михаилъ Михайловичъ.

Письмо Ваше доставило мнѣ большое удоволь-
ствіе. Я всегда уважалъ и никогда не переставалъ
любить Вашего брата—печатать его произведенія
въ моемъ журналѣ мнѣ будетъ особенно пріятно.
Увѣренъ, что въ условіяхъ мы сойдемся легко. Я
буду завтра до 11-ти часовъ утромъ дома. Если
Вамъ нельзя, то извѣстите я пріѣду къ Вамъ.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи.

Н. Некрасовъ.

26 Августа 1859 г. СПб.

На четвертой страницѣ:

Его Высокоблагородію Михаилу Михайловичу
Достоевскому. Отъ Некрасова.

А. Н. Островский.

Доселе было известно в печати только одно письмо Достоевского к Островскому, Островского же к Достоевскому—ни одного. Между тем, писатели встречались лично и имели литературные сношения по журналам Достоевского, где печатался Островский. Найденные в архиве Достоевского письма Островского восполняют до некоторой степени этот чувствительный пробел и сами восполняются упомянутым письмом Достоевского, почему оно и перепечатывается здесь (из „Вестника Европы“, октябрь 1916 г., стр. 55—56).

Первое из писем не имеет никакой даты—ни года, ни месяца, ни дня недели. В нем, правда, говорится: „Посылаю Вам пьеску, которую обещал для Вашего журнала“, и это, казалось бы, могло ориентировать нас при установлении даты письма. Однако, Островский печатался дважды в журнале Достоевского „Время“: в 1861 г.—„За чем пойдешь, то и найдешь“ (кн. 10) и в 1863 г.—„Грех да беда на кого не живет“ (кн. 1). Выйти из затруднения помогает письмо Достоевского. Островский пишет: „Вы меня крайне обяжете, если выскажете свое мнение совершенно искренно и бесцеремонно“. Достоевский же в письме, опубликованном недавно П. О. Морозовым, говорит: „Вы требуете моего мнения совершенно искреннего и бесцеремонного“. Письмо Достоевского датировано 24-м августа

1861 года; в нем еще говорится: „Вашего несравненного „Бальзамина“ я имел удовольствие получить третьего дня“, т.-е. 22 августа. Таким образом, письмо Островского было написано около 20-го августа 1861 года, и пьеса, в нем упоминаемая, есть именно „За чем пойдешь, то и найдешь“, иначе озаглавленная: „Женитьба Бальзамина“.

Отзыв Достоевского, конечно, доставил Островскому глубокое удовлетворение и один мог расположить московского драматурга к дружескому общению с петербургским романистом. В 1863 г. Островский, как сказано, печатает в журнале Достоевских другую пьесу. Издатели „Времени“ ценили его сотрудничество, просили новых произведений и даже торопили, даже боялись, не сердится ли он. Это видно из следующего письма Островского, на этот раз точно датированного: 3 января 1865 г. Из слов Островского: „Я не отвечал Вам“, ясно, что Федор Михайлович писал Островскому в 1864 году, и даже не однажды, только письма эти не дошли до нас. Писал и Островский Достоевскому, как это явствует из слов: „пьесу, начатую еще весной, о которой я Вам писал“. И опять—письмо пока неизвестно.

Письмо Островского к Михаилу Михайловичу Достоевскому не датировано. Но так как М. М. Достоевский скончался 6 июня 1864 г., то и письмо Островского следует отнести ко времени не позже этой даты. Журнал, упоминаемый в письме,—это, конечно, „Эпоха“, выходившая взамен закрытого „Времени“.

Поместить в журнале Достоевского новую пьесу, о которой говорилось в письме от 3 января 1865 г., Островскому не удалось, так как вскоре „Эпоха“ закрылась.

1.

Милостивый Государь,

Федоръ Михайловичъ.

Посылаю Вамъ піэску, которую обѣщалъ для Вашего журнала. Нездоровье помѣшало моей работѣ, и я кончилъ ее позже, чѣмъ желалъ бы. Когда прочтете эту вещь, сообщите мнѣ въ нѣсколькихъ строкахъ Ваше мнѣніе о ней, которымъ я очень дорожу. Вы судите объ изящныхъ произведеніяхъ на основаніи вкуса, по моему это единственная мѣрка въ искусствѣ. Вы меня крайне обяжете, если выскажете свое мнѣніе совершенно искренно и безцеремонно.

У меня до Васъ есть еще просьба. Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ поскорѣе скольконибудь денегъ. Въ настоящее время я имѣю въ нихъ крайнюю нужду. Еслибы Вы потрудились выслать мнѣ нѣсколько денегъ сейчасъ же, вы бы меня очень обрадовали. (Въ моей піэскѣ слишкомъ три листа). Еще просьба, прикажите лучше смотрѣть корректуры.

Уважающій Васъ и душевно преданный

А. Островскій.

P. S. Я еще задумалъ для Васъ піэсу, только не торопите.

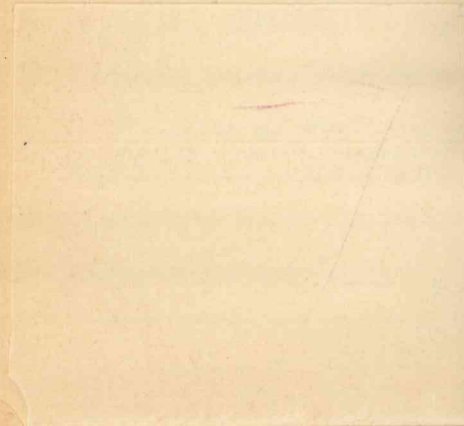
*2.

Милостивый государь,

Александръ Николаевичъ.

Вашего несравненнаго „Бальзамина“ я имѣлъ удовольствіе получить третьяго дня, и тотчасъ же мы, я и братъ, стали читать его. Было и еще нѣ-

Посылаю Вамъ
двѣ піэски. Вторая
моя работа и я
когда прочитаю
ее сообщу Вамъ
свое мнѣніе. Прошу
Васъ о томъ же.
Съ уваженіемъ
А. Островскій.

сколько слушателей,—не столько литераторовъ, сколько людей со вкусомъ неиспорченнымъ. Мы всѣ хохотали такъ, что заболѣли бока. Что сказать вамъ о вашихъ „сценахъ“? Вы требуете моего мнѣнія совершенно искренняго и безцеремоннаго. Одно могу отвѣчать: прелесть. Уголокъ Москвы, на который вы взглянули, переданъ такъ типично, какъ будто самъ сидѣлъ и разговаривалъ съ Бѣлотфловой. Вообще, эта Бѣлотфлова, дѣвицы, сваха, маменька, и наконецъ, самъ герой,—это до того живо и дѣйствительно, до того цѣлая картина, что теперь, кажется, она у меня въ вѣкъ не потускнѣетъ въ умѣ. Капитанъ только у васъ вышелъ какой-то частно-лицей. Только вѣрнѣе дѣйствительности и не больше. Можетъ быть, я не разглядѣлъ съ перваго чтенія. Разумѣется, я вашу комедию прочту еще пять разъ. Но изъ всѣхъ вашихъ свахъ Красавина должна занять первое мѣсто. Я ее видалъ тысячу разъ, я съ ней былъ знакомъ, она ходила къ намъ въ домъ, когда я жилъ въ Москвѣ, лѣтъ десяти отъ роду, я ее помню...

Кстати: нѣкоторые изъ слушателей и изъ слушательницъ вашей комедіи уже ввели Бѣлотфлову въ нарицательное имя. Уже указываютъ на Бѣлотфлову и отыскиваютъ въ своей памяти дѣвицъ Пѣжековыхъ.

[Ө. Достоевскій].

24 Августа 1861 года.

3.

[1864].

Милостивый Государь

Михаилъ Михайловичъ.

Очень жалѣю, что Өедоръ Михайловичъ не засталъ меня дома; я все это время былъ боленъ и

выѣзжалъ изъ дому ненадолго; въ настоящее время у меня ревматизмъ въ рукахъ и я самъ не могу къ Вамъ писать. Я съ удовольствіемъ готовъ принять участіе въ издаваемомъ Вами журналѣ; къ сожалѣнію не могу ничего обѣщать Вамъ скоро, потому что нѣтъ начатаго, исключая пьесы, которая мною обѣщана; за тѣмъ первую пьесу, которую напишу пришлю Вамъ.

Въ тѣхъ спорныхъ ста рубляхъ виновать я и прошу Васъ считать ихъ за мною до перваго разсчета. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Ѳеодору Михайловичу.

Искренно преданный Вамъ

А. Островскій.

4.

Милостивый Государь,

Ѳеодоръ Михайловичъ.

Я не отвѣчалъ Вамъ, не потому что сержусь на Васъ, да и за что мнѣ на Васъ сердиться? Вотъ ужъ третья недѣля у меня такой сильный ревматизмъ, что я не подымалъ рукъ, теперь только могу писать и то съ трудомъ. Я думалъ, что буду свободенъ въ Декабрѣ и успѣю кончить трехъ-актную пьесу, начатую еще весной, о которой я Вамъ писалъ; но половину Октября и Ноября я прохворалъ, а остальное время былъ занятъ работой, давно задуманной и давно обѣщанной. Дайте мнѣ отдохнуть немного, я Вамъ непременно напишу пьесу и скоро. На дняхъ я буду въ Петербургъ и увижусь съ Вами.

Глубоко уважающій Васъ

А. Островскій.

3 Января 1865 г.

Милостивый Государь
Господинъ. Я съ удовольствіемъ
примамъ, но въ случаѣ, если
я не буду, и пишу пьесу
основываясь на томъ, какой я про-
граммѣ, т.е. я пишу 2-ю
въ 1-мъ издѣніи. При этомъ
я вѣрю, что вы не забудете
привести мои стихи. Успѣхъ
и на другихъ издѣніяхъ.

Искренно преданный

А. Плещеевъ
24 февраля.

А. Н. Плещеевъ.

Многоуважаемая Анна Григорьевна.

Если уже вы непременно желаете, чтобы я читалъ, то я готовъ, и пусть порядокъ останется тотъ, какой въ программѣ, т. е. я прочту 2-мъ въ 1-мъ отдѣленіи. Приѣду ровно къ 8 часамъ. Но не забудьте привезти мои стихи. У меня нѣтъ другого экземпляра.

Искренно преданный

А. Плещеевъ.

24 Февраля [1893 г.].

Плещеевъ Алексей Николаевич (род. 22 ноября 1825 г.—умер 26 сент. 1893 г.)—поэт и давнишний друг Ф. М. Достоевского, участник, как и Ф. М., кружка Петрашевцев, за что, как государственный преступник, в 1849 году был лишен всех прав состояния и определен рядовым в один из Оренбургских линейных батальонов.—Мы склонны относить его недатированное письмо к 1893 году, так как только в этом году в феврале месяце (26 февраля; в 1884 г. вечер был 10 марта. в 1886 г.—15 марта) состоялся литературный вечер в пользу школы. В программе—чтение произведений Ф. М.—Д. В. Григоровичем, П. П. Гнедичем, П. И. Вейнбергом и др. О вечере помещена в отделе хроники „Нового Времени“ № 6107 от 28 февр. 1893 г. заметка.—Вечер был вызван неожиданным событием, печально отразившимся в первое время на жизни школы Ф. М.: в 1890 году она сгорела. О пожаре, уничтожившем дом школы, есть подробная корреспонденция „Нового Времени“ (см. Новое Время № 4988, 17 янв. 1890 г. „Старая Русса“).—Надо отметить, что это выступление для Алексея Николаевича было последним, так как через полгода с небольшим он скончался.

Я. П. Полонский.

Переписка этих двух современников началась, повидимому, с 60-х годов; на эти же годы падает и начало их знакомства и сближения.

До ссылки Достоевского в Сибирь они лично не знали друг друга и не встречались, живя в разных городах: Достоевский в Петербурге, Полонский—студентом университета в Москве, чиновником на юге и за границей. Знакомство их, надо полагать, произошло позднее, по возвращении Ф. М. из ссылки и после переезда его из Твери в Петербург (переезд состоялся в самом конце 1859 года—в ноябре или декабре). Знаем, что 31 октября 1859 года Достоевский пишет из Твери Врангелю о Полонском, как о лице незнакомом, но известном ему с хорошей стороны: „О Полонском я слышал много хорошего“. (Биография, письма, 1883, стр. 134). Ясно, что до выезда из Твери Достоевский не был знаком с Полонским, но знал его, может быть, со слов своего брата, Михаила Михайловича. Таким образом, мы склонны считать датой знакомства этих писателей самый конец 1860 года или, вероятнее всего, самое начало 1861 года.

Знакомство это, развившееся в дружбу, началось позднее по времени, чем сближение Достоевского с другими современниками-писателями: Некрасовым, Плещеевым, Белинским, Ал. Григорьевым, Тургене-

вым, Писемским. С 1860 года Полонский служит секретарем в комитете иностранной цензуры. В это время он уже известный автор ряда произведений в стихах, появившихся в журналах того времени, и Ф. М. и М. М. Достоевские, приступая с 1861 года к изданию своего журнала „Время“, привлекают к сотрудничеству Полонского, состоявшего в 1859—1860 г.г. редактором „Русского Слова“. Полонский принял предложение и деятельно участвовал в журналах „Время“ и „Эпоха“, помещая мелкие и крупные свои произведения. На почве сотрудничества в журнале и возникает, в виду отъезда Полонского за границу, его переписка с обоими братьями Достоевскими.

Публикуемые письма Я. П. Полонского являются ответными на письма Достоевского к нему, сообщенные недавно Н. Козьминым в сб. „Ф. М. Достоевский“.—Статьи и материалы, под редакцией А. С. Долиннина. Птрб. 1922, стр. 453—460.

Судя по тону писем,—отношения писателей сразу же стали дружественными, приняли оттенок взаимного расположения. Особенно явно дружеское чувство сказывается в письмах (в заключительных приветствиях) более экспансивного Достоевского, который в первом же письме называет Полонского „бесценным другом“ и „совершенно преданным“ ему остается до 1880 года. Сдержаннее проявляет себя Полонский. Сохранилось больше писем Полонского, всего в количестве 9; писем же Достоевского—лишь четыре.

Письма

Достоевского:

1. 1861 г. 31 июля из
Петербурга.

Письма

Полонского.

1. 1861 г. 29/17 августа.
Teplitz.

2. 1862 г. август — сентябрь.
3. 1864 г. 7 сентября. Петербург.
4. 1872 г. 3 марта. Петербург.
5. 1875 г. 5 июня. Петербург.
2. 1876 г. 4 февраля.
6. 1876 г. 4 февраля. Петербург.
7. 1877 г. 22 ноября. Петербург.
8. 1880 г. 7 февраля. Петербург.
3. 1880 г. 27 декабря.
9. 1880 г. 8 июня. Москва.
4. 8 апреля (без года).

Из этой схемы видно, что переписка не была непрерывной; с выездом Достоевского за границу связь его с Полонским порвалась, и переписка обрывается. Очевидно, во время заграничной жизни, Достоевский забывает Полонского, лишь изредка упоминая о нем в письмах к друзьям за те годы ¹⁾. В этом не следует искать охлаждения или враждебных настроений, — здесь простое расхождение интересов и путей жизни, обусловленных и дальним расстоянием друг от друга; чего-либо связующего их в эти годы нет. По возвращении Достоевского, они, без сомнения, возобновляют знакомство и начинают часто встречаться в гостеприимном и для

¹⁾ См. напр. в письме к Л. Н. Майкову из Женевы 18 февраля (1 марта.) 1868 г. — „Ф. М. Достоевский“. Статьи и материалы. Под редакцией А. С. Долинина, П. 1922, стр. 404.

обоих дружественном салоне Е. А. Штакеншнейдер, который в те годы посещали выдающиеся представители тогдашнего литературного и художественного мира ¹⁾. В воспоминаниях Анны Григорьевны читаем такие строки, относящиеся к этому моменту:

„В 1873 г. Ф. М. возобновил старинное знакомство с семейством Штакеншнейдер, центром которого была Елена Андреевна, дочь знаменитого архитектора. Она была литературно образована и соединяла у себя по воскресеньям общество литераторов и художников. Она была всегда чрезвычайно добра и с Ф. М. и со мной. Мы близко с нею сошлись. На ее воскресеньях я встречала Я. П. Полонского, Майкова, Страхова, Аверкиева, Случевского и многих других“ (цитируем по рукописи).

Эти встречи, несомненно, должны были укрепить их отношения в добрую дружескую связь. Переписка в эти годы (1871—1881) хранит тот же отпечаток, а успех Ф. М. Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве 8 июня 1880 года, свидетелем которого был Я. П. Полонский, вдохновил его на стихотворный отклик в письме 8 июня 1880 (см. 81 стр.).

Среди публикуемых писем особенно ценным надо признать письмо 29/17 августа 1861 года, в котором Полонский, как автор, признается в том, какие реальные живые штрихи вложены им в тип героя поэмы „Свежее Преданье“ Камкова, что, однако, очень смущало тогдашних критиков.

¹⁾ См. „Из дневников Штакеншнейдер“ („Голос Минувшего“, 1915 г. №№ 7—8, 11 и др.).

Петербургъ [Колтовская 31 Июля/61]

Безценный Яковъ Петровичъ, простите великодушно, что до сихъ поръ не писалъ къ Вамъ ничего. Все время былъ занятъ — вѣрте Богу. Ыздилъ въ Москву прогуляться, хотъ и на 10 только дней, но запустилъ свою работу, а потому съ перваго Іюля начиная и до самаго конца мѣсяца, работалъ усиленно. А когда я работаю, такъ ужъ норовъ такой, что хотъ и есть иногда свободный часъ, но уже не до посторонняго и не до писемъ.

Вотъ почему и Вамъ до сихъ поръ не писалъ. Прощаете-ли?

Ну какъ-то Вы поживаете, главное здоровы-ли? Что дѣлаете. Пишете-ли? Читаю всѣ Ваши письма, но вы ужъ мало въ нихъ пишете о себѣ. Да кстати: когда вы пріѣдете и все-ли время пробудете только въ одной Австріи. Италія подъ-бокомъ, какъ кажется не соблазниться и не съѣздить? Счастливый Вы человекъ! Сколько разъ мечталъ я съ самаго дѣтства, побывать въ Италіи. Еще съ романомъ Ратклифъ, которые я читалъ еще восьми лѣтъ разные Альфонсы Катарини и Лючии вѣдись въ мою голову. А донъ Педрами и доньями Кларами еще и до сихъ поръ брежу. Потомъ пришолъ Шекспиръ — Верона, Ромео и Джульета — чортъ знаетъ какое было обаяніе. Въ Италію, въ Италію! а вмѣсто Италіи (несколько словъ тщательно зачеркнуто) попалъ въ Семипалатинскъ, а прежде того въ Мертвый Домъ. Неужели жъ теперь не удастся поѣздить по Европѣ. Когда еще осталось и силъ и жару и поэзіи. Неужели придется ѣхать лѣтъ черезъ десять согрѣвать старыя кости отъ ревматизма и жарить лы-

сую и плѣшивую голову на полуденномъ солнцѣ. Неужели такъ и умереть не выдавъ ничего!

Но вѣдь это не отъ Васъ зависитъ и потому перейдемъ къ другому. Сначала объ Васъ: Пишете-ли Вы драгоценный голубчикъ? 3 главы Ваши вышли еще въ Іюнѣ и произвели сильное и разнообразное впечатлѣніе ¹⁾. Во первыхъ, вообще, впечатлѣніе вышло неполное — это понятно. Весь романъ, напечатанный цѣликомъ, произвелъ-бы впечатлѣніе гораздо сильнѣйшее. Въ публикѣ отзывы (какъ слышалъ) различные, но что хорошо (далее следуетъ „то“) цѣнители дѣлятся довольно рѣзко на двѣ стороны: или бранятъ или очень хвалятъ — а это самое лучшее: Значитъ не пахнетъ золотой серединой, чортъ ее возьми! Иные въ восторгѣ, хвалятъ очень и ужасно бранятся, что нѣтъ продолженія. Одинъ, человекъ очень не глупый, такъ просто объявилъ что ему романъ совсѣмъ не нравится, потому что „ничего не развито“. Братъ отвѣчалъ ему, что развитіе романа еще только началось, и какъ услышалъ это цѣнитель, то разинулъ ротъ отъ удивленія: онъ было вообразилъ что три главы — и есть весь романъ, совершенно оконченный. Онъ проглядѣлъ что сказано о продолженіи впредь. Другъ Страховъ [Николай Николаевичъ] заучилъ всѣ эти три Ваши главы наизусть, ужасно любитъ цитовать изъ нихъ и мы собравшись иногда вмѣстѣ, кстати или некстати, приплетаемъ иногда къ разговору Ваши стихи. Въ литературѣ, какъ вы сами можете вообразить, отзывы еще нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которымъ не терпится, чтобъ не ругнуть. Партія Минаевыхъ, Курочкиныхъ (воображающихъ, что они составляютъ партію) ругаются. Н. Курочкинъ (братъ Василія) ²⁾ получилъ редакторство Иллюстраціи, — то-то его пробило! Они критикуютъ что стихи не хороши, а за стихи:

„Блохою жизни былъ укушенъ“

Минаевъ ³⁾ сравниваетъ Васъ съ Пл. Кусковымъ ⁴⁾ пишущимъ, будто-бы объ однихъ комарахъ и мухахъ ⁵⁾. Но гадости всѣхъ этихъ мерзляковъ разумѣется не имѣютъ ни смысла, ни вліянія. Въ Москвѣ я видѣлъ Островскаго. Некрасовъ проѣзжая Москву до меня, былъ у него и Островскій рассказывалъ мнѣ что Некрасовъ отъ Вашего романа въ восторгѣ. Братъ объявилъ что продолженіе Вашего романа послѣдуетъ въ Сентябрѣ. Хорошо-ли онъ сдѣлалъ? Правда—то что продолжить надо непременно, а печатать скорѣе (говорю я для вашей и для нашей выгоды разумѣется) но отнюдь не надо откладывать. Впечатлѣніе пройдетъ в публикѣ. А вѣдь я знаю какое у васъ дальше въ романѣ развитіе. Сильно подѣйствуетъ и поставитъ передъ публикой романъ самостоятельно и крѣпко. Я вотъ напримѣръ очень плохо сдѣлалъ что моихъ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“ растянулъ до Іюля, и ослабилъ впечатлѣніе ⁶⁾. Теперь кончилъ, слава Богу. Къ зимѣ выйдетъ отдѣльной книжкой. Я продалъ одному издателю взявъ 1000—больше взять нельзя было ⁷⁾. Журналъ [Время] идетъ,—до сихъ поръ еще тянется подписка,—хоть кой-какая, да тянется! Въ литературномъ мірѣ много полемики, но (зачеркнуто „все“) не объ литературѣ, а въ публицистическомъ смыслѣ. Чернышевскій началъ рядъ статей о современной журналистикѣ; преимущественно отвѣчаетъ своимъ непріятелямъ ⁸⁾.

Очень бойко и,—главное—возбуждаетъ говоръ въ публикѣ, а это важно. Поставилъ себя очень рельефно и оригинально. Въ этой оригинальности разумѣется и недостатки его. Мы можетъ быть скажемъ что нибудь по поводу его полемики и

скажемъ съ полнымъ беспристрастіемъ. Съ Русскимъ Вѣстникомъ у насъ продолжается баталія ⁹⁾. Много-бы можно рассказать, да ужъ лучше сами прочтите.

Вчера прочелъ ваше письмо къ Котѣ ¹⁰⁾, но вѣдь братъ писалъ къ Вамъ. Коту же кажется ужасно было пріятно получить отъ Васъ письмо. Мы въ Колтовской живемъ ни весело, ни скучно. Дѣла много. Кажется журналъ все болѣе и болѣе приобретаетъ симпатіи. До сихъ поръ каждый номеръ интересуется читателей.

Если Вы въ этомъ году напечатаете еще хоть 3 главы, то цѣльно и рельефно поставите Ваше произведеніе передъ публикой. Узнаютъ съ чѣмъ имѣютъ дѣло и много будутъ ожидать отъ романа. Даже самые ругатели знаютъ и теперь, что оцѣнить и что хорошо. Вообще мы не ошиблись; ему суждено имѣть и эффектъ и значеніе.

Прощайте безцѣнный Вашъ другъ обнимаю Васъ крѣпко

Ф. Достоевскій.

P. S. Пріѣзжайте скорѣе.

2.

Teplitz

1861

29 Августа нов. ст.

17

Получилъ наконецъ, получилъ ваше письмо добрый другъ Федоръ Михайловичъ. (Это было кажется третьяго дня—и это—былъ день для меня счастливый—ибо въ одно время съ Вашимъ письмомъ принесли ко мнѣ еще два—и одно отъ Тургенева.—)

Отвѣчаю на Ваше милое посланіе по пунктамъ—но предупреждаю Васъ что буду заботить-

ся о краткости моихъ отвѣтовъ, чтобы нынче же опустить это письмо въ почтовый ящикъ.—

1. Поживаю я все также какъ и поживалъ—т. е. въ такомъ уединеніи въ такомъ разобщеніи отъ общества въ какомъ никогда отъ роду не былъ.—Въ Италію—поѣхалъ бы съ удовольствіемъ—но... цѣпь не пускаетъ—я прикованъ за ногу къ Австріи—нога меня удерживаетъ не только отъ дальнихъ путешествій, но даже отъ прогулокъ по окрестностямъ.—Ей лучше—гораздо лучше. Но... принявши 11 ваннъ въ Ишмѣ 21 въ Бадѣ Гастейнѣ—и 10 въ Теплицѣ я имѣю кажется полное право желать полнѣйшаго выздоровленія—... Нѣтъ чортъ возьми!—все еще около колена образуются какие то валики—когда его согнешь—все еще это гнусное колѣно не вошло въ свою, Богомъ ей данную форму—или воды дѣйствуютъ à la long, т. е. не раньше какъ черезъ 2 или 3 мѣсяца—я почувствую ихъ спасительное на себѣ вліяніе.—

2. Вы стремитесь въ Италію!—Думаете, что раньше старости Вамъ и не путешествовать!—Повѣрьте что, для того чтобы ѣхать въ наше время за границу—нужно только захотѣть—ибо жизнь за границей—можетъ быть гораздо дешевле Петербургской жизни.—Я съ 1 Іюня до сихъ поръ прожилъ не больше 370 рублей—и изъ нихъ вѣроятно четвертая часть пошла на лекарство и ванны.... ну дорого ли это? Да на однихъ извозчиковъ въ это время потратилъ бы я больше половины,—если бы оставался въ Петербургѣ.

Оканчивайте Ваши записки о Мертвомъ Домѣ.—Его можно будетъ продать и взять хорошія деньги—и тогда берите Вашу жену и поѣзжайте провѣтриваться только на югъ далеко не заѣзжайте—не совѣтую!—слишкомъ раздражаетъ нервы и на грудь иногда имѣетъ вліяніе. Впрочемъ это только въ

Италіи. На юге Франціи около Пириней—говорятъ другой климатъ, но я тамъ не былъ.

3. Очень радъ что на романъ мой—начинаютъ лаять—я это зналъ—зналъ даже напередъ, что на стихъ—„Блохою жизни былъ укушенъ“ нападутъ с ожесточеніемъ—конечно я могъ бы его замѣнить легко и другимъ стихомъ—но не хотѣлъ—чтобы оправдать себя—расскажу вамъ по какому поводу—я пустилъ въ ходъ эту блоху.—

Я еще былъ студентомъ—разъ въ ужаснѣйшемъ расположеніи духа захожу къ одному Армянину—человѣку очень умному и современному и жалуюсь ему на жизнь—а онъ мнѣ и говоритъ. Эхъ вы! да васъ еще и блоха то жизни не укусила!... Съ тѣхъ поръ это выраженіе и врѣзалось въ моей памяти.—Мой Герой Камковъ—дѣйствительною жизнью—(въ то время какъ онъ былъ на балѣ)—былъ укушенъ не больше какъ блохою отъ которой чешется укушенное мѣсто—т. е. я хотѣлъ сказать—что хотъ онъ и читалъ Гегеля—хотъ и былъ въ то время человѣкъ современный но мало жилъ—какъ и всѣ—лучшіе изъ его современниковъ—они больше гадали о жизни, чѣмъ жили. Они страдали—потому что анализировали—больше себя—чѣмъ ту среду—которая ихъ душила. Теперь мы кажется перешли въ другую крайность.—Все анализируемъ на все лаемъ—и поклоняемся своему я или своему ничтожеству.—

4. Братъ вашъ не хорошо сдѣлалъ что объявилъ о продолженіи моего романа въ сентябрѣ (какъ можно такъ положительно и рѣшительно располагать вдохновеніемъ.—Если бъ даже я и общалъ навѣрное) я общалъ но кажется прибавилъ—можетъ быть, постараюсь—и проч., то и въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы мнѣ вѣрить.

Не говорю о себѣ—ради Васъ я долженъ стараться чтобы продолженіе было лучше начала и теперь что ни пишу все рву и ничемъ не доволенъ.— Конечно, очень можетъ статься что 4 глава къ сентябрю будетъ готова—но... печатать одну главу—[зачеркнуто: „мало“]—не стоитъ надо побольше захватить дѣйствія чтобы заинтересовать читателей, или какъ Вы говорите, поставить мой романъ передъ публикой крѣпко и самостоятельно.—

Воображается мнѣ—что у меня дома, за пергородкой,—все пойдетъ гораздо лучше и что хотите дѣлайте—все мнѣ здѣсь мѣшаетъ и природа и ваше отсутствіе и нѣмецкія фигуры—и даже стѣны гостиницы. Неужели съ вами этого никогда не бывало? [Дальше на поле приписано] но прощайте—обнимаю васъ и вашего брата—Всѣмъ отъ меня кланяйтесь.

Остаюсь
вашъ *Я. Полонскій.*

На верхнем поле в обратном порядке приписано:

Письма не франкирую—ибо опускаю въ ящикъ—и вы не франкируйте—будемъ квиты.

3.

Дружище
Федоръ Михайловичъ.

Посылаю вамъ пока два маленькихъ стихотворенія. Прочтите ихъ съ тѣмъ вниманіемъ съ какимъ вы всегда читываете стихи мои и судите ихъ, какъ и слѣдуетъ судить, безъ малѣйшаго снисхожденія къ ихъ автору.

Если они выдержутъ вашъ критическій судъ, то передайте ихъ вашему брату въ сентябрьскую книжку Времени—если нѣтъ—то возвратите мнѣ при свиданіи—я простудился и никуда не выхожу.—

Прощайте—обнимаю васъ и остаюсь
вашъ *Я. Полонскій.*

Супругъ вашей свидѣтельствую мое почтеніе.
[август—сентябрь 1862 г.]¹¹⁾.

4.

Милѣйшій Федоръ Михайловичъ.

Вы сказали мнѣ что редакціи Эпохи нетрудно поступить по условію, оставленному Вашимъ братомъ и что въ началѣ Сентября она можетъ выдать мнѣ 100 руб.—

Если это нисколько не стѣснить Васъ и не расстроить—то вручите посланной мною стряпухѣ сіи вещественные знаки невещественныхъ отношеній.—

Въ Вашей книгѣ я распишусь когда Вамъ будетъ угодно—или занесу расписку.

Дружески жму вашу руку и остаюсь

Вамъ преданный
Я. Полонскій.

NB Зашелъ бы самъ—да мнѣ нездоровится.—

7 Сентября
1864 года.

5.

Многоуважаемый
Федоръ Михайловичъ.

Хотѣлъ самъ захватъ—никакъ не могъ—хотѣлъ
писать—опоздалъ—нашелся наконецъ добрый че-
ловѣкъ, который отнесетъ къ Вамъ сію цидулку
и сообщить Вамъ лично мое искреннее желаніе—
Надѣюсь что къ исполненію онаго Вы не найдете
никакихъ препятствій—Дай Богъ чтобы записка
эта застала Васъ бодрымъ и здоровымъ—

Весь Вашъ

—Я. Полонскій.

Пятница

3 Марта

1872.

[Петербург].

6.

Многоуважаемый
Федоръ Михайловичъ.

Позвольте мнѣ рекомендовать Вамъ моего друга
Николая Петровича Вагнера—Профессора зоологіи
и автора сказокъ Кота-Мурлыки¹²). Онъ въ тре-
тій разъ ѣдетъ съ семействомъ въ Старую
Руссу—и конечно будетъ нуждаться не въ одномъ
помѣщеніи, но и въ знакомствѣ и въ бесѣдѣ съ
людьми. Увѣренъ, что вы съ нимъ сойдетесь и
его полюбите.

До свиданья
Вашъ преданный

Я. Полонскій.

1875.

5 Іюня

[Петербург].

7.

Многоуважаемый
Федоръ Михайловичъ.

Только прочелъ январскій № Вашего днев-
ника—и загорѣлось во мнѣ сильное желаніе по-
бывать у Васъ и съ Вами побѣседовать; но уйти
изъ дому мнѣ мѣшаютъ ноги—опять распухло
лѣвое колено, опять я прикладываю къ нему
холодные компрессы, опять мажу іодомъ и опять
не пускаютъ меня шьляться по лѣстницамъ—(а я
люблю шьляться по лѣстницамъ—это моціонъ весь-
ма полезный для писателей, осужденныхъ жить въ
Петербургскомъ климатѣ).

А какъ хотите, читая дневникъ Вашъ, я волей
неволей долженъ былъ почувствовать, что мы съ
Вами дѣти одного и того же поколѣнія, т. что если
бы мы разглядѣли тѣ нравственныя нити, которыя
связуютъ насъ мы не поддались бы тому духу
розни или нравственнаго распадѣнія, который нѣтъ
нѣтъ да и подскажетъ на ухо: видѣться хорошо,
а не видаться еще лучше.

Въ Вашемъ дневникѣ есть одно достоинство, кото-
рое чего добраго, не понравится нашей читающей
публикѣ: въ немъ есть умъ и серьезность—Я не
говорю объ исключеніяхъ—но о публикѣ, которая
отъ умныхъ рѣчей засыпаетъ,—а свои сны, какъ
бы ни были они нелѣпы предпочитаетъ творчеству
и фантазіи.

Вашъ полуфантастическій расказъ о Христовой
Елкѣ глубоко чуть не [до] слезъ меня тронулъ—
не знаю, отблагодарю ли Васъ за это тѣмъ, что

пошлю Вамъ и свою Елку—(въ сборникъ Озими*) стран. 140). Не знаю правъ ли я, но мнѣ кажется, что и отъ моей Елки вѣетъ тѣмъ же духомъ, какъ и отъ Вашей.—

Не знаю также какъ мнѣ понять Ваши слова: „по умѣ Мефистофеля, прославившаго Гете, по увѣренію Якова Петровича Полонскаго.“

Если бы я вздумалъ кого нибудь въ этомъ увѣрять, мнѣ бы никто не повѣрилъ.— Въ стихахъ моихъ я только подтвердилъ то въ чемъ увѣряли меня всѣ доступные мнѣ Авторитеты въ Европейской критикѣ, безъ Фауста о Гете сами немцы скоро бы забыли—и Фаустъ немцы слимъ безъ Мефистофеля, который конечно умѣе разныхъ Джонъ Кинговъ и Кетти Кинговъ.—

На Ваши же слова: что ими т. е. Чертами заправляетъ какой нибудь Огромный, нечистый духъ, страшной силы—отвѣчаю Вамъ стихотвореніемъ: „У Сатаны“ которое найдете Вы тоже въ моей книжкѣ Озими: стр. 108 (номеровка страницъ идетъ снизу)—Наибольшаго зла я не могу себѣ вообразить и насколько хватило у меня силы, олицетворилъ его въ моей фантастической сценѣ, навѣянной на меня событіями 1870—1871 годовъ.

Буду очень радъ если Вы въ моемъ Сатанѣ увидите тоже что я увидалъ въ вашей мысли о духѣ страшной силы—а именно то, что мы рождены подъ одной звѣздой, и что между нами немало нравственныхъ нами незамѣчаемыхъ нитей.—

*) Я. П. Полонскій.—Озими. Стихи и проза. 2 ч. СПб. 76 г. Ц. 1 50 к.

Ч. I-я. Новый сборникъ стихотвореній: Стихотворения, пропущенные въ послѣднихъ изданіяхъ: В концѣ сороковыхъ годовъ (из поэмы „Братья“) и др.—Стихотворения семидесятихъ годовъ до 1876 г.

Ч. II-я. Мими. Разск.—Келлот. Поэма.—Слепой тапер.

Хотѣлось бы мнѣ задать Вамъ одинъ вопросъ на разрѣшеніе—указать Вамъ на одинъ фактъ для меня непостижимый,—но—когда нибудь при свиданіи—посыльный ждетъ меня и я долженъ кончить письмо мое.—Еще разъ благодарю Васъ за утсропроведенное съ Вашимъ дневникомъ—Дружески жму Вамъ руку и остаюсь.

Неизмѣнно Вамъ преданный

Я. Полонскій.

1876 4 Февраля
СПБ.

*8.

4 Февраля/76

Многоуважаемый

Яковъ Петровичъ.

Благодарю за привѣтъ и радъ что отъ Васъ. Къ Вамъ собираюсь мѣсяца три, но все разныя хлопоты, доходившія до мученій, мѣшали. Дневникомъ моимъ я мало доволенъ, хотѣлось бы въ 100 разъ больше сказать.—Хотѣлъ очень (и хочу) писать о Литературѣ, и объ томъ именно о чемъ никто, съ тридцатыхъ еще годовъ, ничего не писалъ: О чистой Красотѣ. Но желалъ-бы не сѣсть съ этими темами и не утопить Дневникъ. Въ четыре дня продалъ 3000 экземпляровъ въ Петербургѣ. Что же до Москвы—до городовъ, то не знаю продается ли тамъ хоть одинъ экземпляръ, тамъ это не организовано, и къ тому же всѣ буквально, не понимаютъ что такое Дневникъ—журналъ или книга? Но о дневникѣ потомъ. Ну возможно, скажите все такъ хворать? А давно я Васъ

не видѣлъ. Непремѣнно зайду на дняхъ, а теперь еще разъ благодарю за письмо.

Весь Вашъ
О. Достоевскій.

Р. S. Да кѣмъ же намъ и быть какъ не одинакаго пошиба людямъ?

9.

Многоуважаемый
Федоръ Михайловичъ.

Вы дали мнѣ двѣ вторыя части: Преступленья и Наказанья. Посылаю Вамъ одну изъ нихъ и прошу Васъ, если возможно, промѣнять ее на I-ю часть—Вторую часть, ту, на которой Вы сдѣлали надпись, я перечелъ—и ночь проведенная Свидригайловымъ наканунѣ его самоубійства, произвела на меня еще большее впечатлѣніе—Страницы эти—высота поэзіи и творчества—Благодарю Васъ за одно изъ рѣдкихъ наслажденій.... Но прощайте.—

Жму Вашу руку—свидѣтельствую мое почтеніе Вашей супругѣ и остаюсь

Вамъ преданный
Я. Полонскій.

22 Ноября 1877.
[Петербург].

10.

СПБ.
У Самсоновск[аго] м[оста].
По Фонтанкѣ д. № 24.
Кв. № 17.

Многоуважаемый
Федоръ Михайловичъ.

Случайно узналъ я новость, которая была для меня кѣмъ то въ родѣ обуха по лбу. Оказалось,

что я опять имѣлъ несчастье кѣмъ-то Васъ разсердить или опечалить—Мнѣ говорятъ, меня хотятъ увѣрить, что Вы были неприятно затронуты моими словами, сказанными Вамъ на вечерѣ у Графини Толстой.

Напрягаю всѣ мои силы, чтобъ припомнить: что такое именно я сказалъ Вамъ...

Но чтобы я ни сказалъ Вамъ фактъ тотъ, что слова мои были Вамъ неприятны.—

Какая же причина? Можетъ ли тутъ быть какойнибудь умыселъ?

Или я не люблю Васъ или я дуракъ...

Но я считаю Васъ человѣкомъ гениальнымъ, я всегда стою горой за Ваши произведенія,—я понимаю ихъ красоты,—я самъ въ душѣ художникъ,—и клянусь Вамъ, съ юныхъ лѣтъ чуждый всякой зависти или недоброжелательства—изъ одного самолюбія я бы гордился Вашимъ расположеніемъ,—и—что же? Я сержу Васъ, отталкиваю Васъ отъ себя, оскорбляю Васъ!..

Чертъ знаетъ, что это за нелепость! Или я глупъ?—

Но еслибы я былъ глупъ, то конечно, Вы бы мнѣ извинили (для дураковъ законъ не писанъ) но Вы мнѣ не извиняете, значить, я не глупъ.

Что же это такое?

Постараюсь, хоть какънибудь разъяснить мои слова или мое безтактное поведеніе. Позвольте мнѣ надѣется, что Вы хоть заочно меня выслушаете...

Да, я признаю себя виноватымъ—я виноватъ, но причина,—главная причина вины моей въ томъ, что я никакъ не могу отвыкнуть мѣрить людей на свой аршинъ,—воображать себѣ, что они также мыслятъ и также понимаютъ вещи и также чувствуютъ.—

Я припомнилъ то, что я сказалъ Вамъ, и если-бы Вы сказали мнѣ то, что я сказалъ Вамъ,—Вы бы польстили мнѣ,—Вы бы меня порадовали...

Я былъ бы несказанно радъ, если бы Вы считали меня настолько сильнымъ и власть имѣющимъ, что я могу, въ тѣ часы, когда я пишу или занятъ, не только устраняться отъ своихъ друзей и знакомыхъ, кто бы они ни были—но и прямо говорить имъ: убирайтесь—Вы мнѣ мнѣ мѣшаете.—Не всѣмъ дано это право—не всѣ Достоевскіе и не всѣ Верещагины—и никто на нихъ не сердится за это, ибо всѣ признають—что на многое они имѣють право. И какъ было бы мнѣ лестно если бы и за мной Вы признавали это право—говорить по временамъ друзьямъ своимъ: убирайтесь,—и этимъ ни сколько, ни на волосъ ихъ отъ себя не отталкивать.

Я такъ думаю, и могъ ли я знать, что Вы думаете иначе.—

Я сказалъ Вамъ, что не смѣю приглашать Васъ—значить, съ моей, можетъ быть глупой или нелѣпой точки зрѣнія, ставлю Васъ очень высоко—несравненно выше себя.—

Вѣдь я очень хорошо знаю, какую бездну нервной и нравственной силы истрачиваете Вы на Вашъ трудъ и я буду претендовать, чтобъ Вы лезли ко мнѣ на четвертый этажъ, и я буду назначать Вамъ время когда Вамъ быть у меня!..

Нѣтъ—такія лица, какъ Вы и какъ я не нуждаются въ приглашеніяхъ—имъ всегда въ свободную минуту будутъ рады тѣ которые понимаютъ ихъ и имъ сочувствуютъ—и я повторяю Вамъ:—я Васъ не приглашаю въ такой то день и въ такой то часъ, потому что во всякій день и во всякій часъ буду радъ Вашему посѣщенію—придите Вы

ко мнѣ, въ 4 часа пополудни, и я вскочу съ постели и приму Васъ какъ брата.

Но такъ думаю, такъ чувствую я—быть можетъ только я—а потому и ошибаюсь—

Ради Бога извините мнѣ мою невольную вину и вѣрьте неизмѣнной преданности

Вашего

Я. Полонскаго.

Мой искренній поклонъ посылаю Вашей милой женѣ.

1880 7 Февр.

11.

Федору Михайловичу

Достоевскому.

Смятенный я тебѣ внималь,
И плакалъ мой восторгъ и весь я трепеталъ
Когда ты праздникъ нашъ вѣнчалъ
Своею рѣчью величавой,
И намъ сіялъ народной славой
Тобою вызванный изъ мрака идеаль,
Когда ты ключъ любви Христовой превращалъ
Въ ключъ вдохновляющій свободы.—
.....

Я. Полонскій.

1880 8 Іюня.

Москва.

Написалъ что написалось—пришли и помѣшали досказатьсь.—

Я. П.

*12.

27 Декабря/80.
[Петербургъ]

Любезнѣйшій

Яковъ Петровичъ,

Не можете ли Вы отдать Вашу поэмку: „Дѣти въ лѣсу“ въ „Семейные Вечера“—журналъ, издаваемый Софьей Сергѣевной Кашпиревой. 1-й № „Семейныхъ Вечеровъ“ (издающихся превосходно и имѣющихъ много подписчиковъ) выйдетъ 15 Января¹³). Это ничего что къ тому времени можетъ еще и не состоится представления у Юлии Федоровны Абаза¹⁴). Дѣтямъ еще лучше будетъ выучивать роли по печатному. Цѣну назначьте сами, заплатятъ сейчасъ же. Сдѣлаете большое удовольствіе и Софьѣ Сергѣевнѣ и мнѣ. Во всяком случаѣ, сдѣлайте одолженіе не замедлите отвѣтомъ.

Вамъ совершенно преданный

Ф. Достоевскій.

*13.

Любезнѣйшій Яковъ Петровичъ,

Если Ваше время завтра въ Воскресеніе не занято, то посѣтите меня вечеркомъ, выпить чайку, чѣмъ очень обяжете, Васъ крѣпко любящаго

Ф. Достоевскаго.

(8 Апр.) Суббота.

Примечанія.

1. Ф. М. говорит, без сомненія, о трех главах романа Полонскаго „Свежее преданье“, появившихся в июньской книгѣ журнала Достоевскихъ „Время“ за тот

(1861) год. (№ 6, стр. 393—432). Эти главы и стали сюжетом многочисленных пародийных выступлений Курочкина, Минаева и др.

2. Курочкин Николай Степанович (род. 2 июня 1830 г., ум. 2 дек. 1884 г.),—поэт и публицист. Редактируя „Искру“ вместе с братомъ Василиемъ (1831—1875), помещал в ней много стихотворений оригинальных и переводных. Известны были в свое время его стихотворные сатиры и пародии (под псевдонимом Скорпионова), печат. в „Наблюдателе“.
3. Дмитрий Дмитриевич Минаев (род. 21-го октября 1835 г., ум. 10-го июля 1889 г.),—поэт-сатирик и автор комедий.
4. Платон Александрович Кусков (род. в 1834 г., ум. в 1909 г.)—поэт и переводчик Шекспировскаго „Отелло“ и „Ромео и Юлии“.
5. Минаев писал: „Говоря о своем герое, Камкове, поэт (Полонскій) замечает:

Камков был сам порой смешон

И странен,—не иначе он

Блохою жизни был укушен,

Иным фантазиям послушен,

Иною солью просолен.

Нужна истинная смелость дарованія юмориста, чтоб сказать два такие етиха:

Блохою жизни был укушен,

Иною солью просолен...

Я уверен, что г. Кусков, у которого в стихотвореніяхъ вездѣ так и прыгаютъ всевозможные насекомые, позаимствуетъ этой богатой метафоре“. Эту цитату мы заимствовали из примечаній къ письмамъ Ф. М. Достоевскаго, составленныхъ Н. Козьминнымъ, — см. назв. сб. о Достоевскомъ, стр. 455.

6. Роман печатался в журнале „Время“ в течение семи месяцев: с января по июль включительно.
7. Роман „Униженные и оскорбленные“ в исправленном изданіи 1861 года напечатан в типографіи Эд. Прапа.
8. Речь идет о статьяхъ Н. Г. Чернышевскаго в „Современникѣ“. Назовемъ некоторые изъ статей: „О рекрутской повинности“ (№ 5); „О причинахъ паденія Рима“ (№ 5); „Непочтительность къ авторитетамъ“ (№ 6); „Полемическіе красоты“ (№ 6 и 7).
9. О „баталли“ с „Русскимъ Вестникомъ“ см. „Музей памяти Ф. М. Достоевскаго“, стр. 35-36, 55.

10. Котей Ф. М. называет Михаила Михайловича.
11. Это письмо мы датируем 1862 годом, относя его к августу—сентябрю того года. Анна Григорьевна на конверте, в который она вложила самые письма, датой этого письма указала 1863 год. Эта дата нам кажется мало имеющей оснований уже потому, что „Время“ в 1863 году было закрыто на апрельской книге и „без всяких условий, навсегда“ (Страхов Н. Н., „Материалы для жизнеописания“, стр. 254). Во вторых, сам Ф. М. с конца лета до глубокой осени жил за границей. Нет оснований относить письмо и к 1864 году, так как летом 10 июня скончался Мих. Мих., о котором, как редакторе, говорится в письме. Полонский, живший в Петербурге, был, без сомнения, своевременно осведомлен о смерти Мих. Мих. К 1862 году оно относится уже потому, что в этом году именно напечатано два небольших стихотворения: „Белая ночь“ и „На мызе“ (Е. А. Шт. к. н. ш. д.): правда, не в сентябрьской, как предполагал Полонский, а в ноябрьской книге (стр. 297 и 353—354). Оба эти стихотворения перепечатаны в I т. собр. соч. Полонского (изд. Маркса, 1896 г., стр. 226 и 376-378). Об этих стихотворениях, текст которых прилагался к письму, и писал Полонский Достоевскому. В книжках „Времени“ 1861 года Я. П. Полонский сразу двух стихотворений не напечатал, а из последних книг только в ноябрьской помещено его стихотворение „Беглый“ (стр. 222-223) и в октябрьской большая глава (IV) романа „Свежее преданье“ (стр. 301-320),—что, очевидно, сюда не относится.
12. Вагнер Николай Петрович (1829-1907)—профессор зоологии, известен более как автор, выступивший в беллетристике под псевдонимом Кота-Мурлыки, особенно популярном благодаря книге талантливых „сказок“. Много занимался исследованием в 70 г.г. спиритических явлений и усиленно сотрудничал в органе русских спиритов „Ребус“. Был хорошо знаком с Достоевским и Аксаковым.—В 1875 году Ф. М. Достоевский со всей семьей прожил и лето и зиму в Старой-Руссе.
13. В первом номере „Семейных Вечеров“ 1881 г. (стр. 1-30) помещена „драматическая фантазия для детского театра“—„Лесные Чары“.
14. Юлия Фед. Абаза (ур. Штуббе)—жена крупного финансиста. Имела музыкальный салон. Ю. Ф.—отличная музыкантша и певица. Была близка с Серовым, А. Рубинштейном, И. Тургеневым и др.

Я. П. Полонский А. Г. Достоевской.

1.

Многоуважаемая

Анна Григорьевна.

Какъ человекъ разсѣянный я только на дняхъ изъ газетъ узналъ, что можно подписываться на сочиненія Федора Михайловича съ разсрочкой платежа ¹⁾.—До сихъ поръ, мнѣ это ни разу не пришло въ голову—Ради Бога, съ сей минуты включите меня въ число подписчиковъ. Надѣюсь, что я еще не опоздалъ.—Но клянусь Вамъ, что приди мнѣ въ голову прежде, что можно уплачивать изъ мѣсячнаго жалованья,—давно бы былъ изъ числа Вашихъ подписчиковъ. Цѣлую Ваши ручки и до пріятнаго свиданія, остаюсь

Вамъ неизмѣнно преданный

Я. Полонскій.

1883.

3 Декабря

2.

16 Декабря 1883 г.

Очень очень благодаренъ Вамъ за Вашъ во всѣхъ отношеніяхъ дорогой подарокъ ²⁾. Благодарю

Васъ и за лестное для меня предложеніе пожертвовать въ Старорусскую школу свои произведенія³⁾. Непременно соберу ихъ и самъ къ вамъ привезу. На дняхъ хотѣлъ быть у Васъ, но Елена Андреевна Штакеншнейдеръ сказала мнѣ, что по буднямъ Вы никого не принимаете⁴⁾.—Очень жаль, что недосугъ мѣшаетъ и Вамъ заходить къ намъ хоть по субботамъ, когда у насъ танцуетъ ваша милая дочка⁵⁾.

Ну досвиданья
весь Вашъ

Я. Полонскій.

Примечания.

Добрые отношения Якова Петровича Полонского с семьей Федора Михайловича не прервались и после смерти писателя. Дружеский дом Штакеншнейдер оставался и в эти годы, как видно из Дневников Е. А. Штакеншнейдер (см. ниже примеч. 4-е), местом встреч Якова Петровича с Анной Григорьевной Достоевской.

1. Очевидно, речь идет о первом полном собрании сочинений Ф. М., изд. Анной Григорьевной в 1883 году в 14 томах.
2. „Дорогим во всех отношениях подарком“, надо думать, Яков Петрович называет преподнесенный ему Анной Григорьевной первый том известного полного собрания соч. Ф. М. 1883 г., в котором приняли участие О. Ф. Миллер и Н. Н. Страхов.
3. Заботы о Старорусской школе имени Ф. М. Анны Григорьевны выражались, главным образом, в материальной поддержке школы посредством устройства литературных вечеров (см. выше в примечаниях к письмам Григорьевича, Голенищева-Кутузова и Плещеева). Но как устроительница, Анна Григорьевна, обеспечивая школу зданием, не забыла и библиотеки, как духовного источника для учащихся, и неутомимо заботилась о получении

книг и от других авторов—Победоносцева, Аверкиева и др.

4. Елена Андреевна Штакеншнейдер (1836—1897 г. г.)—дочь известного петербургского архитектора, профессора Академии Художеств. В их роскошном доме на Миллионной бывали выдающиеся представители тогдашнего литературного и художественного мира: Лавров, Тургенев, Майков и др. С Яковом Полонским и Федором Михайловичем у Елены Андреевны была долготелая дружба. В своих воспоминаниях Елена Андреевна много и подробно говорит о современниках писателях и, в частности, о Федоре Михайловиче (см. „Голос Минувшего“, 1916 г., № 2, февр., стр. 74—81, и 1919 г., № 1—4, стр. 175—200). Ей Федор Михайлович написал ценное письмо о своих впечатлениях от Пушкинского торжества 1880 года. В воспоминаниях Штакеншнейдер находим проницательное замечание относительно „неприема Анной Григорьевной посетителей по будням“: „1886 г. 19 января.—Бывало в их „убогой квартире“, как выразился о ней покойный Маркевич, отбоя не было от посетителей. Алчущие и жаждущие правды, в силу точно договора какого-то, тайнственного и безмолвного, точно сговорясь, шли услышать эту правду из уст безмолвно же набранного учителя. Когда же неумолимая смерть навеки сковала его уста, весь Петербург, кажется, перебивал у его вдовы. И, окружая ее сочувствием, как бы носил ее на руках. Теперь—никого и ничего. Ни жаждущих и алчущих, ни сочувствующих, даже и убогой квартиры нет. Но умная женщина и бровью не ведет, что она это замечает. Попржнему много говорит, экспансивна попрежнему, но об этом—ни слова.

Первое издание творений ее знаменитого мужа уже на исходе, и она уже приступила ко второму. Когда она занималась первым, то всех просила не приходить к ней по будням, когда она занята подпиской и проч. Но к ней все шли и не давали ей ни досуга, ни покоя. Теперь она точно также просит по будням не ходить, а пожаловать в воскресенье, в будни ей не мешают, да и воскресенья пусты “(Голос Минувшего, 1919, № 1—4, стр. 196).

5. Дочка—Любовь Федоровна Достоевская, которой в то время было 14 лет (род. 14 сентября 1869 г.). Любовь Федоровна здравствует и живет за границей; писательница—автор психологических рассказов—несколько в стиле Ф. М. Достоевского—„Больные девушки“ и др. В

1920 году Любовь Федоровна издала свои воспоминания о Ф. М. Достоевском под названием: „Dostojewsky geschildert von seiner Tochter“,—Мюнхен, 1920 год.—Воспоминания эти переведены на русский язык с немецкого Л. Я. Круковской и в сокращенном виде изданы под редакцией и с предисловием А. Г. Горнфельда отдельной книгой под названием: „Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской“ (Государств. Изд. Москва—Петербург, 1922 г., 105 стр.).

Н. Г. Помяловский.

Эпистолярное наследие Помяловского скудно: всего несколько писем к Н. А. Благовещенскому, к брату, к Я. П. Полонскому, к Чернышевскому, к Некрасову. От этого много теряет четкость духовного образа этого яркого писателя-разночинца. Найденная в архиве Достоевского маленькая пачка писем Помяловского дает несколько ценных черт к его портрету. Но, вместе с тем, и оставляет неудовлетворенность, так как не вполне утоляет возбужденный интерес и только приоткрывает завесу. Первое же, от 26 декабря 1861 г., письмо родит вопросы, которые мы не в силах разрешить. Помяловский горячо благодарит Достоевского за благодушные и готовность делать ему добро. Но в чем дело, коротенькое письмо не раскрывает. Между тем, здесь важный момент литературной биографии Помяловского и, вместе с тем, черта к моральной и литературной характеристике Достоевского. В 1861 году Помяловский не был еще автором „Очерков бурсы“. Правда, он уже напечатал в „Современнике“ (1861, № 2 и 10) „Молотова“ и „Мещанское счастье“, но его известность еще была впереди. Очевидно, Достоевский оценил начинающего беллетриста и приветил его. В чем проявлялась „не раз“ помощь его Николаю Герасимовичу, неизвестно,—может быть, в авансах за статьи. Но

ясно, что Достоевский поддержал Помяловского и морально, оценив его дарование. И Помяловский „сумел быть благодарным“: в журнале Достоевского „Время“, в ближайшем же 1862 году, он напечатал „Зимний вечер в бурсе“ и вскоре (в № 9)—„Бурсацкие типы“. Это было целое литературное открытие, подобное тому, как Решетников открыл для литературы Подлиповцев, Островский—Замоскворечье, Горький—босаков. Очерки бурсы сразу прославили Помяловского и потом породили целую вереницу продолжателей и подражателей (см. Н. К. Пиксанов. „Два века русской литературы“. М. 1923, стр. 133—134). Они же способствовали и популярности „Времени“. Добрые отношения между редакцией журнала и Помяловским продолжались и в 1862 году, когда печатались два очерка бурсы, и это видно из дальнейших писем. Но сближение с Достоевским не могло быть для Помяловского прочным.

Это был писатель-плебей, чистокровный разночинец. Органически он тяготел в сторону демократизма, радикализма. Правда, его молодость прошла вне прямых возбуждений, шедших из радикальных общественных кругов. Но когда он стал разбираться в литературно-политических группировках, Помяловский потянулся в сторону радикальной журналистики. Биограф и друг его Н. А. Благовещенский в своем известном очерке пишет: „Когда редакция обновленного журнала „Век“, которой Помяловский глубоко сочувствовал, просила у него статью, он набросал для нее небольшой очерк: „Зимний вечер в бурсе“. Во главе редакции „Века“ тогда стоял Г. З. Елисеев. Но „Век“ скоро закрылся, и „Зимний вечер“ перешел в журнал Достоевских. В том же очерке Благовещенского говорится: „В феврале того же (1861) года „Мещанское счастье“

(в „Современнике“) явилось в печати. Николай Герасимович скоро познакомился с Чернышевским и другими членами редакции. С каким восторгом, бывало, передавал он мне все подробности этих свиданий“. Поэтому сотрудничество во „Времени“ можно считать скорее случайностью, объясняемой всего проще личным обаянием Достоевского. Ожесточенная полемика „Времени“ с нигилистами, общее тяготение журнала к консерватизму, в частности культ стародворянской культуры, какой чувствуется у Достоевского,—не могли не отталкивать Помяловского, который, по свидетельству Благовещенского, „готов был на всякий скандал, чтобы только досадить ненавистному для него барству“. Расхождение быстро назревало. В девятой книжке „Времени“ за 1862 г. (цензорская помета—14 сентября 1862) было напечатано „объявление о подписке“ на 1863 год, с изложением программы журнала и с полемическими заявлениями против „свистунов“ из „Современника“.

И вот, 26 октября Помяловский коротко и прямо пишет Михаилу Достоевскому: „Не сходясь с программой Вашего журнала по идее, я не могу в нем участвовать. Вследствие этого мои очерки не будут у Вас печататься“. Действительно, дальнейшие работы свои Помяловский печатал уже в „Современнике“ и, что тоже характерно,—в „Русском Слове“.

1.

Милостивый Государь,

Федоръ Михайловичъ!

Я не знаю, какъ и благодарить Васъ за Ваше благодушiе и полную готовность помочь мнѣ, которую я вотъ не разъ уже испыталъ. Если можно,

извините меня за всѣ безпокойства, которыя я доставилъ Вамъ. Дастъ Богъ, я съумѣю быть благодарнымъ за Вашу постоянную готовность делать [первоначально: „сделать“] мне добро.

Вполнѣ преданный Вамъ

Николай Помяловскій.

1861 г.
Декабрь 26.

На четвертой страницѣ адрес:

На углу Малой Мѣщанской и Екатерин[ин]скаго канала, въ домѣ Астафьевой.

Милостивому Государю
Федору Михайловичу
Достоевскому.

Там же: сургучная печать с короной и инициалами: Н. В. и почтовый штемпель: С. Петербург. Город. 8 Почта 27 Дек. 1861.

2.

Федоръ Михайловичъ!

Я вчера былъ у Васъ въ очень позднее время, и сказалъ, что нахожусь въ крайнѣ затруднительномъ положеніи (это была правда). Благодарю Васъ за искренно выраженное Вами желаніе выручить меня изъ бѣды; но выручить Вамъ было не возможно по Вашимъ обстоятельствамъ,—потому Вы и отослали меня къ своему брату, сказавъ, что я могу, не смотря на позднее время, видѣть его тотчасъ же, потому что онъ пріѣхалъ съ Вами

одновременно отъ Милюкова, кажется. Я и пошолъ къ Вашему брату, но мой визитъ, по несвоевременности, оскорбилъ его до того, что онъ мнѣ сдѣлалъ выговоръ; поэтому я, кромѣ того извиненія, которое изъяснилъ Вашему брату лично, во время моего безтактного посѣщенія, покорнѣйше прошу Васъ передать ему еще и теперешнее мое письменное извиненіе. При семъ однако имѣю честь сообщить Вамъ, что я въ настоящій день не нуждаюсь въ свиданіи съ Вашимъ братомъ, которое онъ назначилъ мнѣ вчера [описка: „вчера“] съ условіемъ: „если мнѣ угодно будетъ это завтра“, потому что уже болѣе, послѣ свиданія съ однимъ моимъ хорошимъ знакомымъ, я не нахожусь въ томъ критическомъ положеніи, которое сначала заставило меня придти къ Вамъ, а потомъ къ Вашему брату.

Вполнѣ преданный Вамъ

Н. Помяловскій.

1862 г.
Апрель 18.

3.

[Середина 1862]

Михаилъ Михайловичъ!

Мнѣ хотѣлось переговорить съ Вами лично относительно моей статьи, отпечатанной въ Вашемъ журналѣ; но обстоятельства такъ расположились, что я долженъ послать къ Вамъ мальчика—подавателя этого письма. Ему Вы и отдадите деньги за мою статью (за исключеніемъ 40 р., которые я Вамъ долженъ). Я просилъ Ф. Михайловича письмомъ, что бы дали мнѣ 25 оттисковъ „Зимн. Ве-

чера въ бурсѣ": если оттиски имѣются, то передайте ихъ мальчику, либо дайте ему записочку, въ какой типографіи можно получить ихъ.

Мнѣ хочется помѣстить въ Вашемъ журналѣ рядъ статей о бурсѣ (до пяти) подъ разными заглавіями.

Надѣюсь, что тотъ дрянной съ моей стороны очень вечерній визитъ забытъ Вами.

Вполнѣ преданный Вамъ

Н. Помяловскій.

4.

[Июнь 1862]

Михаилъ Михайловичъ!

Нельзя ли какъ сдѣлать, что бы мой слѣдующій очеркъ о бурсѣ былъ отпечатанъ в Іюлѣ? представлю я Вамъ его лично числа восьмого.

Условимся теперь же: согласитесь Вы (какъ за тотъ очеркъ) на полистовую плату въ 70 рублей?

Я уѣзжаю на нѣсколько дней, а потомъ зайду къ Вамъ.

Вполнѣ преданный Вамъ

Помяловскій.

5.

Милостивый Государь,

Михаилъ Михайловичъ!

Не сходясь съ программой Вашего журнала по идеи, я не могу въ немъ участвовать.

Въ слѣдствіе этого мои очерки не будутъ у Васъ печататься.

Мини

М

Нс. с

*Вашего
могу въ*

*Въ с
не буду*

Не .

Милостивый Государь,
Михаил Михайлович

Не одобряю с программы
Вашего журнала по идее, и не
могу во нем участвовать.

Во случае этого мои очерки
не будут у Вас печататься.

Не можете ли выдать 25 р.
приматом за это статью
"Буржуазия и труд".

Не вышлите ли отписки Лого
ме очерка?

Намного с уважением

Ваш покорнейший
Внук
Окт. 26. Н. Томашовский

Не можете ли выслать 25 р. с., причитающіеся
за мою статью „Бурсацкіе типы?“
Не вышлите ли оттиски того же очерка?

Имѣю честь быть
Вашъ покорнѣйшій слуга

Н. Помяловскій.

1862 г.
Окт. 26.

Примечанія.

2.

Нахожусь въ крайне затруднительномъ по-
ложении—Помяловскій постоянно нуждался материально.
От Милюкова, —А. П. Милюкова, давняго знакомого
Достоевскихъ, литературнаго критика, автора известнаго
„Очерка исторіи русской поэзіи“.

3.

Это письмо не датировано. Но такъ какъ въ немъ речь идетъ
о „Зимнемъ вечерѣ въ бурсѣ“, напечатанномъ въ № 5 „Времени“
за 1862 годъ, то и письмо следуетъ отнести къ серединѣ 1862 г.

4.

Слѣдующій очеркъ о бурсѣ—„Бурсацкіе типы“—
напечатанъ только въ № 9 „Времени“ за тотъ же 1862 г.
можетъ быть, по медлительности самого Помяловскаго.
Письмо следуетъ датировать июнемъ 1862 г.

П. Н. Рыбников.

Текст печатаемого письма знаменитого собирателя народных песен, П. Н. Рыбникова, совершенно точно определяет время и место написания: 16 января 1865 года, Петрозаводск. Имя адресата из текста определить нельзя, но на помощь приходит помета, сделанная рукою Анны Григорьевны Достоевской на конверте, в который она вложила это письмо: „Ф. М. Достоевскому“. На самом письме, в правом верхнем углу первой страницы, другим почерком сделана отметка: „Отв. 26 Января 65 г.“. Надо думать, что отвечал сам Федор Михайлович, к которому адресовано было письмо, и можно догадываться, что ответ Достоевского на предложение Рыбникова был утвердительный, так как Федор Михайлович, действительно, относился сочувственно к народной поэзии, да и песни, собранные Рыбниковым и тогда уже изданные в трех томах, обращали на себя всеобщее внимание.

Однако, журнал „Эпоха“ на второй книжке 1865 года прекратил свое существование, и песни из собрания Рыбникова не могли в нем появиться.

Письмо П. Н. Рыбникова к Достоевскому поднимает весьма скудную коллекцию его писем, известных в печати (см. статью А. Е. Грузинского в 1-м томе второго издания Песен, собран-

ных П. Н. Рыбниковым, М., 1909, и ст. И. А. Шляпкина в Журн. Мин. Народ. Просвещения, 1912, VI.).

Милостивый Государь!

Съ 1860-года я занимаюсь собираніемъ памятниковъ народной словесности, по преимуществу былинь, историческихъ и древнихъ бытовыхъ пѣсенъ. Собранные мною матеріалы были напечатаны сначала въ двухъ томахъ на частныя средства, III-й томъ былъ изданъ иждивеніемъ Олонецкаго статистическаго комитета. Съ 1863 г. у меня накопилось вновь значительное количество былинь и пѣсенъ. Не надѣясь издать эти матеріалы отдѣльною книгою, я желалъ бы всетаки сдѣлать ихъ извѣстными знатокамъ и публикѣ черезъ напечатаніе въ одномъ изъ повременныхъ изданій.

Вашъ уважаемый журналъ относился не разъ съ сочувствіемъ къ произведеніямъ непосредственнаго народнаго творчества, потому я и рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ предложеніемъ помѣщать время отъ время, собираемые мною былины и пѣсни, по мѣрѣ накопленія ихъ, въ „Эпохѣ“, въ видѣ приложения. Если Вы согласитесь на это предложеніе, не откажите въ отвѣтъ по слѣдующему адресу:

Совѣтнику Олонецкаго Губернскаго Правленія
Павлу Николаевичу Рыбникову,
въ Петрозаводскѣ.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и совершенной преданности

П. Рыбниковъ.

16 Января
1865 г.

Примечания.

Собранные мною материалы были напечатаны—Часть I, Москва, 1861, типогр. А. Семена; Часть II, Москва, 1862, тип. А. Семена; Часть III, Петрозаводск, 1864.

С 1863 г. у меня накопилось вновь значительное количество былин и песен—Рыбников в 1864 году совершил еще две поездки за песнями: в январе на Шунгу, в июне—в Каргопольский уезд. В 1865 г., вскоре после письма к Достоевскому, Рыбников вновь, в феврале—марте, ездил собирать песни в Лодейное Поле. См. Песни, изд. 2-ое, т. I, стр. XLII.

Через напечатание в одном из повременных изданий.—И до, и после письма к Достоевскому, Рыбников частями публиковал собираемые им материалы в журналах, газетах и сборниках, столичных и местных. См. перечень его печатных трудов в ст. И. А. Шляпкина в Журн. Мин. Народн. Просвещения, 1912, VI, 311—313.

С сочувствием к произведениям непосредственного творчества.—О любви самого Ф. М. Достоевского к этому творчеству см. Н. К. Пиксанов. Достоевский и народная поэзия. „Московский Понедельник“, 1922 г., № 13, 11 сентября.

М. Е. Салтыков.

Два спокойных, благожелательных письма Салтыкова: одно 1862 г., другое 1876, дают грани, между коими однажды вскипела ожесточенная литературная вражда.

Первое письмо помечено Тверью и 30 марта, но год отсутствует. Однако, в самом письме имеются приметы, по которым мы безошибочно определим год написания. Салтыков просит „напечатать в апрельской книжке журнала „Время“ посылаемые „драматические сцены“. В 1862 году в журнале „Время“, именно в четвертой книге, напечатаны „Недавние комедии“ Салтыкова: 1) „Соглашение“, 2) „Погоня за счастьем“, 3) „Погребенные заживо“. Письмо написано в официальном тоне, но с уважением к старшему собрату (Салтыков был моложе Достоевского на пять лет). Слова: „по обещанию“ дают притом основание думать, что Достоевский, редактор „Времени“, сам просил у Салтыкова пьесы для журнала.

Действительно, так и было. В одной полемической статье, о которой речь ниже, Салтыков рассказывает: „Могу даже припомнить все обстоятельства, при которых началось мое участие во „Времени“. В 1861 году я приезжал в Петербург и случайно свиделся с Ф. М. Достоевским, который, между прочим, весьма убедительно пригла-

шал меня к участию, даже, так сказать, упрекал в равнодушии к вновь возникшему журналу. Имея в виду, что „Время“ в ту пору питалось ухвостьями идей „Современника“, подобно тому, как „Эпоха“ питается ныне ухвостьями ухвостей „Дня“, я согласился на сотрудничество и послал „Недавние комедии“. Затем, по закрытии „Современника“, я послал во „Время“ еще несколько очерков и получил от Ф. М. письменное приглашение сотрудничать далее, с предложением каких угодно условий“ („Минувшие Годы“ 1908, I, 82—83). Действительно, в том же 1862 году, в девятой книжке „Времени“ было напечатано еще одно произведение Салтыкова: „Наш губернский день“.

Но затем произошло столкновение.

С 1863 года Щедрин-Салтыков вступил в состав ближайших сотрудников „Современника“. „Время“ и прежде полемизировало с „Современником“; теперь, при развертывании своей программы, „Время“ неизбежно все острее формулировало свои расхождения с „нигилистами“. В категорию их попал и Салтыков. В первом же номере „Современника“ за 1863 год он задел, в разборах новых книг, „Время“. В том же номере „Современника“ задел был Тургенев. И вот Достоевский, раздраженный прежним своим сотрудником, открывает против него целый поход. Один за другим, он пишет против Салтыкова—„Молодого пера“, „Щедродарова“—фельетоны-памфлеты: „Молодое перо“, „Опять молодое перо“, „Господин Щедрин, или раскол в нигилистах“, „Отрывок из романа“ „Щедродаров“. Перипетии этой полемики не раз уже излагались у нас в истории журналистики: в „Истории русской критики“ И. И. Иванова, в „Русских критиках“ А. Л. Волынского, позднее—Ю. А. Никольским: „Сатирическая эпопея Достоевского“ („Биржевые Ве-

домости“, 1917, № 16092, 10 февр.; ср. его же: „Тургенев и Достоевский. История одной вражды“, София, 1921, стр. 25—28). Наконец, Л. П. Гроссман перепечатал все полемические статьи Достоевского в дополнительном, двадцать третьем томе его сочинений.

В яростной полемике Достоевского не все объясняется его раздражительным темпераментом. Что-то сильно и глубоко взволновало его в тогдашних статьях Н. Щедрина-Салтыкова в „Современнике“,— не только случайные нападки на Скавронского-Данилевского или на Тургенева. Кажется, близок к истине сам Салтыков: в 1864 г. он представил Некрасову для напечатания в „Современнике“ статью: „Г. г. Семейству М. М. Достоевского, издающему журнал „Эпоха“ (из нее взята цитата выше). Некрасов, под разными предлогами, не опубликовал статью, в виду ее резкого тона. И правда, тон был необычайно резок. Вот образчик: „вы выпустили на мой личный счет целую эпопею под названием „Щедродаров, или раскол в нигилистах“... Говорю, положи руку на сердце, упражнение это ни мало не оскорбило меня. Прочитавши его, я ощутил только чувство глубочайшего омерзения к перу, излившему зараз такую массу непристойной лжи, и в то же время мне показалось, что я наступил на что-то очень ехидное и гадкое“ („Минувшие Годы“ 1908, I, 78). Салтыков даже как будто недоумевает перед озлобленностью своего антагониста. Но мимоходом бросает фразу по адресу Достоевского: „в одном моем сочинении усматриваете даже (шутка сказать!) вариацию на тему страстей, положенную в основание универсальной Ассоциации“. Здесь имеется в виду известная формула утопического социализма. И вот она-то, как мне кажется, и взвол-

новала так Достоевского. Сам пережив увлечение ею, Достоевский теперь преследовал молодых русских социалистов — „нигилистов“, — в том числе и Салтыкова. Правда, как-раз Салтыков вовсе не был правоверным социалистом, напротив, позволял себе сдержанную критику, даже иронию (см. об этом у П. Н. Сакулина, „Русская литература и социалисты“, 1, стр. 358—382). Но Достоевский плохо разбирался тогда в этом и на Салтыкова переносил всю желчь, накопленную против нигилистов.

Но прошли года. Позиция Салтыкова проявилась и для Достоевского, и он успокоился. Забыл горечь его полемики и Салтыков. И „Время“, и „Эпоха“ давно были закрыты. Достоевский не имел собственного органа. А Салтыков в семидесятых годах стал соредактором „Отечественных Записок“ у Некрасова. Журнал не мог не дорожить участием такой силы, как Достоевский. И вот мы видим, как в 1875 г. Достоевский печатает в „Отечественных Записках“, с января и по декабрь, свой роман „Подросток“. А в следующем, 1876-м г., Салтыков пишет Достоевскому письмо, — второе в нашей коллекции, — и просит: „Не можете ли Вы дать для февральской книжки (1877) хоть небольшой рассказ“. В 1877 г. в „Отечественных Записках“ Достоевский ничего не напечатал (он сам издавал тогда „Дневник писателя“). Но добрые литературные отношения не прекращались. Об этом свидетельствует третье письмо Салтыкова с приглашением к участию в вечере Литературного Фонда. Письмо не датировано годом, и трудно сказать, к какому времени относится его написание. Достоевский выступал, как чтец, на вечерах Фонда не раз, — например, в 1879, 1880 годах. А Салтыков много лет бывал членом Комитета Литературного

Фонда (см. Сборник Фонда: „XXV лет. 1859—1884“, II, 1884, стр. 155, 168).

Так были забыты бывшие „полемические бури“, и осталось ровное взаимное уважение.

1.

Тверь. 30 Марта.

Милостивый Государь

Федоръ Михайловичъ.

По обѣщанію, имѣю честь послать Вамъ двѣ драматическія сцены, которыя просилъ бы Васъ, если найдете это возможнымъ, напечатать в Апрельской книжкѣ журнала „Время“. Что касается до гонорарія, то прошу Васъ опредѣлить его самимъ, не стѣсняясь ничѣмъ. Вы бы весьма меня одолжили, если бъ прислали мнѣ на просмотръ ценсорскія корректуры. До 17 Апрѣля я пробуду еще въ Твери, а потомъ переберусь въ Москву и въ то время сообщу Вамъ свой адресъ.

Примите увѣреніе въ совершенной преданности
искренно Васъ уважающаго,

М. Салтыкова.

2.

Многоуважаемый Федоръ Михайловичъ.

Не можете ли Вы дать для февральской книжки хоть небольшой рассказъ. Я бы лично пріѣхалъ просить Васъ объ этомъ, но вспомнилъ, что въ концѣ мѣсяца Вы не имѣете свободнаго времени. Ежели

Вы доставите Вашу работу даже къ 1-му февраля, то будет не поздно. Пожалуйста, не оставьте это письмо безъ отвѣта.

Искренно Вамъ преданный
М. Салтыковъ.

21 Декабря
Литейная, 62.
[1876]*)

На конверте адрес:

Его Высокородію Оедору Михайловичу Достоевскому.

В городѣ.

Пески, близъ Греческой церкви, домъ Струбинскаго.

Штемпель: С. Петербургъ, 4-е Отдѣл. внутр. 1876 (5-ти коп. марка), на обратн. стороне конверта: С. Петербургъ, Городская почта, 22 дек. 1876.

3.

6 Декабря.

Многоуважаемый Оедоръ Михайловичъ.

Сейчасъ получилъ отъ Предсѣдателя литературнаго фонда письмо съ порученіемъ попросить Васъ о поспѣшнѣйшемъ доставленіи текста статьи, предложенной Вами для прочтенія въ пользу общества.

Если это возможно, будьте такъ любезны выполнить эту просьбу и доставьте статью мнѣ.

Искренно преданный Вамъ,

М. Салтыковъ.

6 Декабря.

*) Год поставлен карандашом рукой Анны Григорьевны Достоевской.

Многоуважаемый
Сейчасъ получилъ отъ
предсѣдателя нашего
литературнаго фонда
письмо съ порученіемъ
попросить Васъ о поспѣшнѣйшемъ
доставленіи текста статьи

5

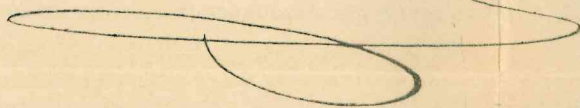
6. Декабр.

Многоуважаемый Отец Михаилъ Васильевичъ.

Съездъ мой въ этотъ Пятницинъ не успѣлъ
определить на столько и поручилъ познакомиться съ
судебными дѣлами моего сына, а также
поговорить съ нимъ о дѣлѣ, въ которой онъ участвуетъ.
Еще въ воскресенье, судья мой не успѣлъ
еще въ прошлую субботу и дѣла моего сына.

Вернымъ знакомымъ Вашимъ,

М. Салтыковъ

6. Декабр.

И. С. Тургенев.

В архиве Достоевского сохранилось шестнадцать писем к нему Тургенева: 1) вторник, 10 февр. 1860; 2) среда, 6 сент. 1861; 3) Париж, 16—28 окт. 1861; 4) Париж, 30 окт.—11 ноября 1861; 5) Париж, 26 декабря 1861—7 янв. 1862; 6) Париж, 2—14 марта 1862; 7) Париж, 30—18 марта 1862; 8) Париж, воскресенье, 4 мая н. с. 1862; 9) Париж, 8 апр.—27 марта 1863; 10) Баден-Баден, 25—13 мая 1863; 11) Баден-Баден, 15—3 окт. 1864; 12) Баден-Баден, 28 дек. 1864—9 янв. 1865; 13) Баден-Баден, 5 марта—21 февр. 1865, воскр.; 14) Париж, март 1876—расписка; 15) Париж, 9 апр.—28 марта 1877; и 16) записка без обозначения места и года, помеченная четвергом. Из этих 16-ти писем восемь были напечатаны в первом собрании писем Тургенева (П. 1884), именно, помеченные выше номерами 4, 5, 7, 8, 11, 12, 13 и 15. Воспроизведены они там довольно точно. Только отброшены даты по новому стилю, да в письме от 30/X—11/XI 1861 допущена опечатка: 3 окт., когда следовало: 30 окт. Фамилия графа Салиас приводилась в сокращении.

Появление их в первом собрании писем Тургенева поясняется одной заметкой Анны Григорьевны Достоевской, в тех же бумагах Центрархива:

„По совету К. П. Победоносцева, мне не следовало никому давать на просмотр имеющихся у меня пи-

сем, а тем более дарить их. Единственное исключение было сделано года два-три спустя: когда после смерти Тургенева стали издавать первое собрание его писем, В. П. Гаевский, председатель литературного фонда, зная, что у меня имеются письма Тургенева к моему мужу, упросил меня дать ему их переписать. Я дала 5 писем, которые и появились в изданной им книге" (Воспоминания за 1881 г. 1 марта; у А. Г-ны неточность: не 5, а 8 писем).

Остальные восемь никогда не были напечатаны и публикуются здесь впервые.

Что касается писем Достоевского к Тургеневу, то до сего дня не было напечатано ни одного из них. Между тем, они существовали; одно время, когда Тургенев был привлечен к сотрудничеству в журналах Достоевского, переписка была оживленной. Об этом можно судить по упоминаниям в письмах Тургенева. Так, в письме от 30/X—11/XI 1861 Тургенев пишет: „извините меня, что я на Ваше большое письмо отвечаю на таком лоскутке“; в письме 26/XII 1861—7/I 1862: „Ваше письмо меня очень удивило“; 2—14/III 1862: „мне Бог знает как давно следовало отвечать Вам“; 18—30/III 1862: „мне не зачем говорить Вам, до какой степени обрадовал меня Ваш отзыв об Отцах и Детях“; 15—3/X 1864: „я все собирался отвечать Вам на Ваше письмо от 24-го августа“; в том же письме: „другое Ваше письмо от 20 сент. напомнило мне мою обязанность, и я спешу ее исполнить“; 28/XII 1864—9/I 1865: „спешу отвечать на Ваше письмо“. Итак, семь упоминаний о письмах Достоевского. Но, разумеется, этих писем было гораздо больше. В переписке с другими лицами Тургенев неоднократно упоминает о письмах к нему Достоевского. Вот пример. По поводу романа „Бесы“, где Достоевский пародировал „Призраки“ Тургенева, этот последний

пишет М. А. Милютиной 3/XII 1872: „Странно только то, что он выбрал для пародии единственную повесть, помещенную мною в издаваемом некогда им журнале, повесть, за которую он осыпал меня благодарственными и похвальными письмами. Эти письма сохраняются у меня. Вот было бы забавно напечатать их! Но он знает, что я этого не сделаю“ (Первое собрание писем, 208).

Ни одно из писем Достоевского к Тургеневу не появилось в печати. Следует думать, что они еще хранятся в архиве Тургенева, доставшемся семейству Виардо. И становится делом не только научной, но и, наконец, общественной и государственной важности, получить возможность русским ученым разработать этот парижский архив. Пока же следует особо оценить ту счастливую случайность, что среди эпистолярных материалов в архиве Достоевского нашлось одно письмо Федора Михайловича к Тургеневу. Оно печатается ниже.

Вновь найденные письма Тургенева к Достоевскому ставят опять проблему взаимоотношений между этими крупными писателями. Взаимоотношения были, как известно, очень сложными и спутанными, не раз обострявшимися до крайности. Об этом много писалось в биографической литературе. Еще в 1884 г. в „Неделе“, № 8, Ор. Ф. Миллер напечатал „Несколько слов о взаимных отношениях Достоевского и Тургенева“ (перепечатано в его работе: „Русские писатели после Гоголя“, ч. I). Позднее писали И. Павловский, И. И. Иванов, Н. М. Гутъяр („И. С. Тургенев“, Юрьев, 1907, гл. XV). Целую книжку посвятил этому вопросу Юрий А. Никольский: „Тургенев и Достоевский. История одной вражды“. (Российско-Болгарское Книгоиздательство. София. 1921, 108 стр.). В этой, редкой у нас, книжке автор стре-

мился, во-первых, исчерпать весь фактический материал, обнародованный в печати по 1917 г. включительно, во-вторых, — „проникнуть в глубокий смысл“ отношений двух писателей. Эта вторая задача была излишне обременена отвлеченными философскими и психологическими экскурсами, подчас не разъяснявшими, а только затемнявшими дело (см. особенно „схему“ на стр. 58), хотя и здесь вдумчивый автор сумел сказать кое-что новое и убедительное. Другая же задача — систематизация фактических, документальных материалов — выполнена очень хорошо. Ю. А. Никольский использовал не только печатную литературу, но и рукописные и устные сообщения (напр., Ж. А. Полонской, А. Ф. Кони, С. А. Венгерова). Впрочем, и эта работа теперь уже стареет. Недавно опубликованные Н. Ф. Бельчиковым письма Достоевского к жене Анне Григорьевне и к Победоносцеву с Пушкинских празднеств 1880 года („Красный Архив“ 1922, № 1) переполнены упоминаниями о Тургеневе; и обратно, в постоянно прибавляющихся новых письмах Тургенева (напр., к П. В. Анненкову — „Печать и революция“ 1922 г., кн. 2) мелькают ценные упоминания о Достоевском. Но самым богатым материалом (на ряду с ожидаемыми письмами Достоевского к Тургеневу в архиве Виардо) следует считать рукописи архива Достоевского, ныне разрабатываемые в Центрархиве. Здесь имеется целый ряд страниц, где выведен Тургенев. Опубликование этих текстов даст новый богатый материал. В Центрархиве же хранятся и перечисленные выше письма Тургенева к Достоевскому, как и одно письмо Достоевского к Тургеневу.

И вся эта переписка в целом, и те восемь писем, которые ныне печатаются впервые, — не раскрывают всех острых столкновений, какие не раз

возникали между корреспондантами. В этом отношении гораздо показательнее известное письмо Достоевского к Ап. Н. Майкову от 16-28 авг. 1837 из Женевы, где Достоевский рассказывает о столкновении с Тургеневым в Баден-Бадене, и письмо Тургенева к редактору „Русского Архива“, П. И. Бартеневу, от 3/I—1868 из Бадена по поводу предыдущего письма (см. Гутьяр, Тургенев, 339—341). Наоборот, неизданные письма рисуют нам *lucida intervalla* в сношениях писателей. Письма относятся, главным образом, к первой половине шестидесятых годов, ко времени редактирования Достоевским журналов, когда к ним был привлечен, как сотрудник, Тургенев.

В письмах еще и еще раз проявляется общеизвестная черта Тургенева — покровительствовать и помогать начинающим писателям. Иногда по мягкости и добродушию Тургенев проводил в литературу и людей недаровитых. В „Соннике“ Щербины сказано: „Тургенева во сне видеть — предвещает получить тонкую способность суметь откопать талант там, где его вовсе нет“. К длинному списку протежиремых им литераторов теперь мы присоединим имена Венецкого и Ломачевского.

Затем, даются некоторые новые сведения о процессе писания „Призраков“. Это произведение имело очень длительную историю. Начатое осенью 1855 года, оно было окончено только летом 1863 года, т. е. писалось в течение восьми лет. Тургенев вложил в эту „фантазию“ много личных переживаний (см. ст. А. А. Андреевой: „Призраки, как исповедь Тургенева“. „Вестник Европы“ 1904, IX). Между тем, она доставила ему массу неприятностей — с Катковым (см. „Русские Пропилеи“ М. О. Гершензона, т. III) и даже с Достоевским (см. письма Тургенева к Достоевскому от 26/XII 1861 — 7/I

1862, — Первое собрание писем, № 76). „Призраки“ были, наконец, напечатаны у Достоевского в „Эпохе“ (1864, № 1—2). Но и здесь не кончилась их трудная история. Когда Достоевский жоссорился с Тургеневым в Бадене в 1867 году, он отместил Тургеневу и тем, что в „Бесах“ пародировал „Призраки“ (см. Ю. А. Никольский, „Тургенев и Достоевский“).

Наконец, самое ценное, что мы встречаем в неизданных письмах, — это письмо Достоевского (единственное пока известное) к Тургеневу — с уведомлением о получении 50-ти талеров, — знаменитых пятидесяти талеров, получение коих в болезненной психике Достоевского стало одним из раздражений, приведших к столкновению. О них именно Достоевский пишет А. Н. Майкову в известном, упомянутом выше, письме от 16—28/VIII 1867: „Откровенно вам скажу: я и прежде не любил этого человека лично. Сквернее всего то, что я еще с 1857 года с Wisbaden'a должен ему 50 талеров (и не отдал до сих пор!)“. Здесь Достоевский, повидимому, делает ошибку: в 1857 году он не встречался с Тургеневым. Очевидно, следовало сказать: в 1863 году, когда они, действительно, встречались в Бадене (а не в Висбадене). Деньги были переданы не лично, а через какое-то посредство. Слова Достоевского: „Благодарю Вас за пожелания“, как будто подразумевают и письмо, сопровождавшее посылку денег. Однако, в архиве Достоевского такого письма не сохранилось. Письмо Достоевского (sine anno) долго береглось у Тургенева, и только в 1876 г. Достоевский собрался уплатить свой долг. Расписку в получении денег Тургенев сделал на письме и возвратил его своему должнику.

Весь эпизод с возвращением Тургеневым письма Достоевского с припиской о получении пятидесяти

талеров живо рассказан Анной Григорьевной Достоевской в ее записках, находящихся в Центральном архиве (и сообщенных Н. Ф. Бельчиковым). Вот относящийся сюда текст:

„В марте 1876 года произошло одно недоразумение, очень взволновавшее Федора Мих., тем более, что за 2—3 дня пред тем у мужа был приступ эпилепсии. К Федору Михайловичу пришел один молодой человек, Алекс. Феод. Отто (впослед. поселившись в Париже под псевдо(нимом) Онегина и составивший ценную коллекцию Пушк. книг и вещей). Г. Отто сказал, что его друг И. С. Тургенев поручил ему побывать у Фед. Мих. и получить остальную часть долж. ему, Турген., денег. Ф. М. удивился и спросил — разве Тургенев не получил от Анненкова тех 50 руб., которые он уплатил Анненкову где-то в поезде, и объявил, что Тургенев выслал ему в Висбаден 50 талеров, и эти 50 талеров он отдал в июле прошлого года П. В. Анненкову для передачи Тургеневу. Отто подтвердил получение этих денег, но сказал, что Тургенев помнит, выслал в Висбаден не пятьдесят, а сто талеров, и потому считает за Ф. М. еще 50. При чем показал письмо Ив. Сер., Ф. М. очень взволновался, предполагая свою ошибку, и тотчас вызвал меня.

— Скажи, Аня, сколько я был должен Тургеневу] сказал муж, представив мне гостя.

— 50 рублей.

— Верно ли, хорошо ли ты помнишь? взволновался муж.

— Отлично помню, ведь Тургенев в своем письме сам обозначил, сколько посылает.

— Покажи письмо, где оно у тебя.

Конечно, письма не было у меня под руками, но я обещала отыскать его и просила молодого че-

ловека заглянуть к нам дня через два. Ф. М. очень был расстроен возможною с моей стороны ошибкой и так беспокоился, что я решила просидеть хоть всю ночь, но найти письмо. На беду корреспонденция (архив прежних бумаг) Ф. М. находилась тогда в порядочном хаосе, и пришлось просмотреть по меньшей мере 400—500 писем, пока я, наконец, не нашла на Тургеневское. Прочитав письмо и убедившись, что ошибки с нашей стороны не произошло, Ф. М. успокоился. Когда через два дня пришел г. Отто, мы показали ему письмо Тургенева, он был очень сконфужен и просил дать ему это письмо, чтоб он имел возможность послать его Тургеневу, при чем обещал письмо нам возвратить. Недели через три г. Отто вновь явился к нам и принес письмо, но не то, которое мы ему дали, а письмо самого Федора Мих. из Висбадена, в котор. он просил Тургенева выслать ему 50-ю талерами. Таким образом, недоразумение объяснилось к нашему полному удовольствию, пострадал только А. Ф. Отто, который написал много лет спустя“...

На этом обрывается записка Анны Григорьевны.

1.

Любезный Федоръ Михайловичъ,

Я сегодня приѣхалъ изъ Москвы—и привезъ Вамъ отъ Основскаго 600 р. сер.—которые находятся у меня—и за которыми прошу Васъ зайти—такъ какъ я занемогъ и выдти не могу.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь
преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Вторник
10-го Февр.
1860

2.

Любезнѣйшій Федоръ Михайловичъ—позвольте Вамъ рекомендовать подателя этого письма Г-на Венецкаго, автора помѣщенныхъ въ библиотекѣ для чтенія рассказовъ: „Война и Плѣнъ“.—Онъ еще очень молодъ—какъ Вы увидите и желалъ бы работать. У него кое что начато. Я увѣренъ что Вы примите его радушно и ласково и протянете ему руку,—которая такъ нужна на первыхъ порахъ.

Будьте здоровы—и до свиданья.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Среда, 6-го Сент.
61.

3.

Парижъ
16-го/28 Окт. 1861.

Любезнѣйшій Федоръ Михайловичъ, позвольте Васъ попросить высылать мнѣ—буде возможно—и на мой счетъ, разумѣется книжки Вашего журнала, начиная съ Сентябрской,—сюда, по слѣдующему адресу: rue de Rivoli, 210—(Я васъ прошу, чтобы это было независимо отъ книжекъ высланныхъ мнѣ въ деревню.)

Очень бы Вы меня одолжили.—

Извѣстите меня такъ же о Вашемъ здоровьи и о томъ, что подѣлываютъ наши знакомые... Я живу здѣсь помаленьку—и, разумѣется, часто думаю о Петербургѣ.

На дняхъ я принялся за повѣсть, которая должна быть помѣщена у Васъ. Если ничего не помѣшаетъ, я надѣюсь ее кончить къ новому году.— Но могутъ встрѣтиться затрудненія внутреннія и внѣшнія—будемъ надѣяться, что все пойдетъ хорошо.—

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь
преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

*4.

Парижъ

30-го Окт. 1861.
11-го Нояб.

Любезнѣйшій Федоръ Михайловичъ—прежде всего извините меня, что я на Ваше большое письмо отвѣчаю на такомъ лоскуткѣ;— времени рѣшительно нѣтъ, хотя я ничего особеннаго не дѣлаю.— Во первыхъ—спасибо и за письмо и за обѣщаніе прислать Время, которое я жду съ нетерпѣніемъ; во вторыхъ, долженъ сказать Вамъ что моя повѣсть, по причинамъ внутреннимъ и внѣшнимъ, явится не скоро въ Русскомъ Вѣстникѣ, во всякомъ случаѣ не прежде возвращенія моего въ Россію—весной—а можетъ быть совсѣмъ не явится.— Послѣднее даже вѣроятно.— Современникъ плюется и сознательно лжетъ: но ведь это не въ первый разъ.— У меня письмо отъ Некрасова писанное въ началѣ этого года, въ которомъ онъ мнѣ дѣлаетъ самыя блестящія предложенія—я ему отвѣчалъ что сотрудникомъ Современника болѣе не буду—ну и выходитъ что надо сказать публикѣ что меня прогнали. Это все ничтожно и не стоитъ вниманія.

Это останется ничтожнымъ, даже если Добролюбовъ меня совсѣмъ доканаетъ—ибо что такое я, что такое—отдѣльное лицо?—Повѣсть, назначенная для Времени не подвинулась въ эти послѣдніе дни, много другихъ мыслей—(не литературныхъ) вертѣлось у меня въ головѣ... Но я либо ничего не буду писать или напишу эту вещь для васъ.—А писать ее хочется.

Ваше письмо тѣмъ болѣе меня обрадовало, что вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ обычные мои корреспонденты изъ Петербурга замолкли. Пожалуйста, будемте и впередъ подавать вѣсть другъ другу,—Вы не можете сомнѣваться въ искреннемъ участіи, которое я принимаю въ васъ, въ вашемъ журналѣ—и во всемъ что до васъ касается. О содержаніи моей повѣсти (для Р. В.) говорить въ письмѣ невозможно; главное лицо представляется выраженіемъ новѣйшей нашей современности—и такъ какъ она сама недавно выразилась довольно безобразно—то литературѣ остается до времени помолчать.

Поклонитесь отъ меня Полонскому и всѣмъ добрымъ пріятелямъ.—Передайте мое почтеніе Вашей женѣ. Желаю Вамъ здоровья и всего хорошаго.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Р. С. Сей часъ прочелъ стихотвореніе Вяземскаго в Русскомъ Вѣстникѣ.— Экая мерзость!—Нѣтъ, видно кромѣ нашего журнала нигдѣ участвовать нельзя.

*5.

Парижъ
26-го Дек. 1861
7-го Янв. 1862

Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, Ваше письмо меня очень удивило.—Вы какъ будто вычитали изъ моего письма что я приписывалъ Вамъ распространѣнiе слуха о моей повѣсти—а мнѣ это и в голову не приходило—какъ же могъ подобный намекъ попасть въ мое письмо?—И какъ будто нужно искать особаго объясненія всякой сплетнѣ:—она царствуетъ в нашей литературѣ, преимущественно на заднихъ дворахъ, гдѣ издаются „Книжные Вѣстники“ и т. д.—Впрочемъ все дѣло не представляетъ никакой важности: мнѣ жаль только что оно могло обезпокоить и Васъ и Каткова.—Боюсь я какъ бы читатели, по прочтеніи „Отцевъ и Дѣтей“—не сказали: Изъ чего они хлопотали?—Словомъ я по многимъ причинамъ хотѣлъ отложить печатаніе до весны; но купецъ настойчиво требуетъ запроданный товаръ—нѣчего дѣлать—приходится его спускать *tel quel*.

Чрезвычайно меня интересуетъ „Мининъ“ Островскаго; пожалуйста, сообщите мнѣ Ваше впечатлѣніе.—Новая смѣлая попытка!—Дай Богъ чтобы она увѣнчалась успѣхомъ!—Но если даже и будетъ неудача, я все таки увѣренъ что неудача Островскаго можетъ быть интереснѣе удачи многихъ другихъ.—Поклонитесь ему отъ меня.

Повѣсть, назначенная для Времени—подвинута въ послѣднее время—и я имѣю твердую надежду что она будетъ готова ко 2-му Номеру; но ведь Вы сами знаете—дѣло это прихотливое.

Очень Вамъ благодаренъ за присылку 2 N-въ Времени, которые я читаю съ большимъ удовольствіемъ.—Особенно—Ваши записки изъ Мертваго Дома.—Картина бани просто Дантовская—и въ Вашихъ характеристикахъ разныхъ лицъ (напр. Петровъ)—много тонкой и вѣрной психологіи.—Радуюсь искренне успѣху Вашего журнала—и повторяю, готовъ ему содѣйствовать всячески.—Поклонитесь Вашей женѣ и всѣмъ пріятелямъ.

Дружески жму Вамъ руку.

Преданный *Ив. Тургеневъ*.

6.

Парижъ
2/14-го Марта 62.

Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, мнѣ Богъ знаетъ какъ давно слѣдовало отвѣчать Вамъ—но видите ли я и теперь беру маленький листикъ бумаги: лѣнь великая—да и сказать почти нѣчего.—Никогда еще жизнь не утекала такъ скоро и безслѣдно для меня, какъ въ эти послѣдніе два мѣсяца.—Я почти ничего не работалъ, мало читалъ, никуда не выѣзжалъ—чортъ знаетъ что такое! Повѣсть моя едва едва подвигается—такъ что раньше моего возвращенія въ Россію (въ Апрѣль) наврядъ ли будетъ готова.—На дняхъ я прочелъ „Минина“—и говоря по совѣсти—остался холоденъ. Стихи удивительные, языкъ прекрасный—но гдѣ жизнь, разнообразіе и движеніе каждаго характера, гдѣ драма, гдѣ Исторія наконецъ?—Я совсѣмъ другаго ожидалъ отъ Островскаго—я никакъ не думалъ, что и онъ станетъ вытягивать каждый характеръ въ одну струнку. Есть мѣста чудесные—надо всѣмъ

произведеніемъ вѣтъ чѣмъ-то чистымъ, Русскимъ, мягкимъ—но этаго мало—особенно отъ Островскаго этаго мало. Я все поджидаю присылки 1-го Номера „Времени“.—Говорятъ—на всѣ журналы подписка плохая: надѣюсь что это не распространяется на „Время“.—Бѣдный Панаевъ умеръ... Я пожалѣлъ о немъ, какъ о старомъ товарищѣ.—Какой онъ казался здоровый... и аневризмъ!—Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ.—Когда [зачеркнуто: „изъ“] Вы получите это письмо, вѣроятно моя повѣсть будетъ уже въ Петербургѣ. Прочтите и скажите свое мнѣніе съ полной искренностью.—Я ожидаю не успѣха, чтобы не сказать болѣе—и это не есть „забѣганіе впередъ“—а довольно ясное сознаніе основанное на положительныхъ данныхъ.—Я знаю, чего я хотѣлъ—и начинаю чувствовать что взялъ задачу не по силамъ; но учить кого бы то ни было мнѣ въ голову не приходило. Не до того было. А за симъ желаю Вамъ всего хорошаго, кланяюсь Вашей женѣ, всѣмъ пріятелямъ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

*7.

Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ, мнѣ нѣчего говорить Вамъ, до какой степени обрадовалъ меня Вашъ отзывъ объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“.—Тутъ дѣло не въ удовлетвореніи самолюбія, а въ удостовѣреніи, что ты, стало быть, не ошибся и не совсѣмъ промахнулся—и трудъ не пропалъ даромъ.—Это было тѣмъ болѣе важно для меня, что люди, которымъ я очень вѣрю (я не говорю о Колбасинѣ) серьезно совѣтывали мнѣ бросить мою

работу въ огонь—и еще на дняхъ Писемскій (но это между нами) писалъ мнѣ что лицо Базарова совершенно не удалось.—Какъ тутъ прикажете не усомниться и не сбиться съ толку?—Автору трудно почувствовать тотъ часъ на сколько его мысль воплотилась—и вѣрна ли она—и овладѣлъ ли онъ ею—и т. д. Онъ какъ въ лѣсу, въ своемъ собственномъ произведеніи.

Вы навѣрно сами это испытали неразъ.—И потому еще разъ спасибо. Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотѣлъ выразить Базаровымъ, что я только руки разставлялъ отъ изумленья—и удовольствія. Точно Вы въ душу мнѣ вошли и почувствовали даже то, что я не считалъ нужнымъ вымолвить.—Дай Богъ чтобы въ этомъ сказалося не одно чуткое проникновеніе мастера, но и простое пониманіе читателя—то есть—дай Богъ чтобы всѣ увидали хотя часть того что Вы увидѣли! Теперь я спокоенъ на счетъ участи моей повѣсти: она сдѣлала свое дѣло—и мнѣ раскаиваться нѣчего.

Вотъ еще Вамъ доказательство, до чего Вы освоились съ этимъ типомъ: въ свиданіи Аркадія съ Базаровымъ, въ томъ мѣстѣ гдѣ, по Вашимъ словамъ, недостаетъ что-то, Базаровъ, рассказывая о дуэли, трунилъ надъ рыцарями и Аркадій слушалъ его съ тайнымъ ужасомъ и т. д.—я выкинулъ это—и теперь сожалею: я вообще много перемарывалъ и передѣлывалъ подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ отзывовъ—и отъ этаго можетъ быть и произошла копотливость, которую Вы замѣтили.

Я получилъ милое письмо отъ Майкова—и отвѣчу ему. Бранить будутъ меня сильно—но это надо переждать, какъ лѣтній дождикъ. Очень было бы мнѣ жаль, еслибъ я не засталъ Васъ въ Петербургѣ.—Я выѣзжаю отсюда въ концѣ здѣшняго

Апрѣля т. е. черезъ мѣсяцъ.—Теперь я могу навѣрное Вамъ сказать что я привезу Вамъ мою работу готовую — она не только сильно подвинулась, она приближается къ концу.—Въ ней будетъ около 3 печатныхъ листовъ.—Странная выходитъ штука. Это именно тѣ „Призраки“, изъ-за которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поднялась у насъ прясъ Катковымъ — не знаю, помните ли Вы это.—Я было началъ другую вещь — и вдругъ схватился за эту и работалъ нѣсколько дней съ увлеченіемъ.—Теперь осталось дописать нѣсколько страницъ.

Радуюсь успѣху „Времени“. Досадно что Вы не можете устроить правильную высылку журнала. Я это говорю не столько изъ личнаго интереса, я ведь скоро самъ вернусь — но для Вашихъ же выгодъ.—Русскій Вѣстникъ высылается сюда правильно.—(Впрочемъ, Февральскаго Номера я еще не получалъ).

Еще разъ крѣпко, крѣпко жму Вамъ руку и говорю Вамъ спасибо.

Передайте мой усердный поклонъ Вашей женѣ и будьте здоровы.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

30/18-го Марта 62

Парижъ

Rue de Rivoli, 210

*8.

Воскресенье 4-го Мая н. с. 1862.

Парижъ

Rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшій Федоръ Михайловичъ, дѣла — вовсе не интересныя, но довольно важныя за-

держали меня въ Парижѣ, дольше чѣмъ я предполагалъ; но я безъ всякаго отлагательства выѣзжаю отсюда черезъ двѣ недѣли — и около 12-го Мая нашего стиля буду въ Петербургѣ. Очень бы мнѣ хотѣлось застать Васъ еще тамъ и обо многомъ потолковать. Повѣсть моя для „Времени“, къ сожалѣнію, все еще не окончена — но можетъ быть окончена въ одинъ день или въ два — и я надѣюсь сдѣлать это въ деревнѣ. Доходящія до меня слухи объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ — только подтверждаютъ мои ожиданія: кромѣ Васъ и Боткина, кажется, никто не потрудился понять, что я хотѣлъ сдѣлать.—Гр. Сальясъ, между прочимъ, упрекаетъ меня зачѣмъ я не вывелъ взяточниковъ, генераловъ и т. д. — чтобы объяснить Базаровыхъ; какъ будто отрицательное направленіе есть явленіе частное — личное (всѣ извѣстные мнѣ отрицатели происходятъ какъ нарочно изъ очень хорошихъ семействъ) — и какъ будто желая показать упадокъ дворянства, я не долженъ былъ взять именно лучшихъ его представителей — въ родѣ братьевъ Кирсановыхъ и т. д. Я уже не говорю объ упрекахъ другаго рода и часто противоположныхъ, дѣлаемыхъ Базарову — никто, кажется, не подозреваетъ, что я попытался въ немъ представить трагическое лицо — а всѣ толкуютъ: — зачѣмъ онъ такъ дурень? или — зачѣмъ онъ такъ хорошъ? Но объ этомъ толковать нѣчего: если вещь удалась, она выдержитъ всѣ эти нападки и выяснится наконецъ, а не удалась — провалится какъ нѣчто недосказанное и непонятное — туда ей и дорога! —

Меня М. А. Марковичъ просила узнать: не желаете ли Вы помѣстить во „Времени“ — ея повѣсть. — У ней есть одна, готовая, которую я читалъ, и которая носитъ на себѣ нѣкій отпечатокъ ея таланта, со всѣми его качествами и недостатками. —

Называется она: „Пустяки“—и составить около 3 печатных листов.—Вещь хорошая и, я думаю, нелишняя въ Вашемъ журналѣ. Ей дали въ Рускомъ Словѣ 250 р. сер. за листъ—и она желаетъ подобной же суммы.—Отвѣчайте мнѣ пожалуйста, немедленно т. е. хотите ли чтобы Вамъ ее выслали на прочтеніе?—а увидавшись со мною въ Петербургѣ, Вы мнѣ скажете Ваше окончательное рѣшеніе.

Будьте здоровы—дружески жму Вамъ руку и остаюсь преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Р. С. Очень жаль, что здесь Время не получается.—Другіе журналы приходятъ же аккуратно.

9.

Парижъ
8-го Апр. 1863-го г.
27-го Марта
Rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшій Ѳедоръ Михайловичъ позвольте рекомендовать Вамъ самымъ настоятельнымъ образомъ подателя этого письма, Дмитрія Платоновича Ломачевского. Вотъ вкратцѣ его исторія. Онъ воспитывался въ Университетѣ, занимался потомъ Литературой и былъ нѣкоторое время корректоромъ у Старчевскаго; захотѣлъ поѣхать во Францію для усовершенствованія въ языкѣ и не получая отъ своего отца—довольно зажиточнаго, но стариннаго складу человѣка ни копейки, впалъ въ крайнюю бѣдность. Мы здѣсь кое-какъ доставили ему средства возвратиться въ Петербургъ

а теперь я обращаюсь къ Вамъ: будьте такъ добры, помогите Г-ну Ломачевскому выбраться на поверхность воды.—Онъ вполне заслуживаетъ Вашего участія и исполнить честно и добросовѣстно всякій возложенный на него трудъ.—Не можете ли Вы опредѣлить корректоромъ при Вашемъ журналѣ?—Словомъ, я увѣренъ что Вы не откажетесь помочь бѣдному человѣку, честному трудолюбивому—а я Вамъ буду отъ души благодаренъ.

Крѣпко жму Вашу руку и остаюсь
Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Р. С. Г-нъ Ломачевскій уже напечаталъ двѣ статьи въ Русскомъ Вѣстникѣ, написалъ повѣсть—и вообще имѣетъ все нужное для исполненія фельетонныхъ или другихъ литературныхъ работъ.—

10.

Бадень-Бадень
Schillerstrasse, 277.
25/13-го Мая 1863.

Любезный Ѳедоръ Михайловичъ, я потому такъ долго не писалъ Вамъ что мнѣ хотѣлось сказать Вамъ что-нибудь положительное. Теперь могу Васъ увѣдомить что я началъ переписывать вещь—право не знаю какъ назвать ее—во всякомъ случаѣ не повѣсть—скорѣе фантазію, подъ заглавіемъ: „Призраки“—Она давно у меня задумана, но я долго за нее—да и ни за что—не принимался. Боюсь, какъ бы она не показалась слишкомъ несвоевременной, чуть не дѣтской—особенно въ теперешнее тяжелое и важное время. - Впро-

чемъ Вы увидите сами—и если нужно, я напишу маленькое—извинительное предисловіе или вступленіе. Получите Вы ее недѣли черезъ двѣ или три. — Въ ней слишкомъ два листа печатныхъ, по моему расчету. — Я поселился здѣсь на все лѣто и надѣюсь работать. Въ Парижѣ я ничего не могъ дѣлать. — Пишите мнѣ сюда. — Здѣсь легкій воздухъ и край прекрасный.

До меня изрѣдка доходили Номера Времени—и я Васъ душевно благодарю за добрыя слова, которыя Вамъ и Вашимъ сотрудникамъ случается замолвить за меня.

Кончаю прозой, которая, я надѣюсь, не отяготитъ Васъ: Я долженъ моему хорошему пріятелю Павлу Васильевичу Анненкову—109 руб. 50 коп. сер.—Будьте такъ добры, выдайте ему эту сумму немедленно—въ счетъ нашихъ будущихъ сношеній.— Живетъ онъ въ домѣ Граве, на углу Владимірской и Графскаго переулка.—Если же онъ уже выѣхалъ изъ Петербурга, то перешлите пожалуйста, ему эту сумму въ С и м б и р с к ѣ.—Вы меня этимъ очень обяжете.

За симъ кланяюсь всѣмъ вашимъ и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Вмѣсто предисловія.

Всякое настоящее произведеніе искусства должно говорить само за себя, стоять на своихъ ногахъ—а потому не нуждается въ предварительныхъ объясненіяхъ и толкованіяхъ. Не имѣя убѣжденія что „Призраки“ принадлежатъ къ подобнаго рода произведеніямъ, я рѣшаюсь просить читателя, ко-

торый, быть можетъ въ правѣ ожидать отъ меня что нибудь по серьезнѣе, не искать въ предлагаемой „Фантазіи“ никакой аллегоріи или скрытаго значенія, а просто видѣть въ ней рядъ картинъ, связанныхъ между собою довольно поверхностно.

И. Т.

*11.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.

15-го Окт. 1864.
3-го

Любезнѣйшій Оедоръ Михайловичъ, я все собирался отвѣчать Вамъ на Ваше письмо отъ 24-го Августа—но тутъ подошла охота—и я забылъ о немъ—въ чемъ и винюсь передъ Вами: другое Ваше письмо отъ 20-го Сент. напомнило мнѣ мою обязанность и я спѣшу ее исполнить. Начну съ увѣренія, что мои чувства къ Вашему журналу нисколько не измѣнились—что я ото всей души готовъ содѣйствовать его успѣху, по мѣрѣ силъ—и даю Вамъ обѣщаніе, первую написанную мною вещь помѣстить у Васъ; но опредѣлить срокъ, когда эта вещь будетъ написана мнѣ невозможно—потому что я совершенно облѣнился—и болѣе года пера въ руки не беру.—Встряхнусь ли я наконецъ—единому Богу извѣстно—но если эта штука со мной случится—работа моя исключительно къ Вашимъ услугамъ. Я часто думалъ объ Васъ все это время, обо всѣхъ ударахъ, которые Васъ поразили—и искренно радуюсь тому, что Вы не дали имъ разбить Васъ въ конецъ.—Боюсь я только за Ваше здоровье, какъ бы оно

не пострадало отъ излишнихъ трудовъ.—Мнѣ самому очень и очень жаль что я не вижу здѣсь „Эпохи“, надѣюсь лучше распорядиться съ будущаго года.

Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ Вашимъ сотрудникамъ—и примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ участіи къ Вашей дѣятельности и привязанности къ Вамъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

*12.

Бадень-Бадень.

Schillerstrasse, 277.

28-го Дек. 1864.

9-го Янв. 1865. Понедѣльникъ

Любезнѣйшій Оедоръ Михайловичъ, спѣшу отвѣчать на Ваше письмо. Въ желаніи моемъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, успѣху Вашего журнала—Вы, я надѣюсь, не сомнѣваетесь—но, пока, это только въ будущемъ.—Даю Вамъ честное слово, что у меня нѣтъ рѣшительно ничего, не только готоваго, но даже начатаго.—Разсказъ подъ названіемъ: „Собака“, о которомъ была рѣчь въ разныхъ журналахъ, дѣйствительно существуетъ и находится теперь въ рукахъ П. В. Анненкова; но я рѣшилъ, по совѣту всѣхъ моихъ пріятелей, не печатать этой бездѣлки, (въ нѣсколько страницъ)—которая сверхъ того, говоря безъ обиняковъ—не удалась мнѣ. Это подтвердить Вамъ П. В. Анненковъ. Поводомъ же къ распространившемуся слуху о рядѣ подобныхъ разсказовъ—послужила фраза, прибавленная мною

къ заглавію „Собаки“—а именно: „изъ вечеровъ у Г-на Ф.“ Анненковъ самъ Вамъ скажетъ—что явиться мнѣ теперь съ такимъ вздоромъ передъ публикой—значило бы окончательно добить всякій свой кредитъ.—Повторяю, я могу теперь только сочувствовать Вамъ, удивляться смѣлости, съ которой Вы, въ наше время, беретесь за литературное дѣло—и желать Вамъ здоровья и силъ—но больше ничего. Повѣрьте мнѣ—это не фраза, которую авторъ говоритъ редактору—это сама истина, которую отрезвленный человѣкъ сообщаетъ уважаемому имъ пріятелю. Я распорядился въ Берлинскомъ почтамтѣ о высылке мнѣ „Эпохи“; самъ же я думаю прибыть въ Петербургъ въ теченіи Марта мѣсяца.—Надѣюсь застать Васъ бодрымъ и здоровымъ—а до тѣхъ поръ примите увѣреніе въ моей искренней привязанности и преданности.

Ив. Тургеневъ.

*13.

Бадень-Бадень.

Schillerstrasse, 277.

5-го Марта

1865 Воскр.

21-го Февр.

Любезнѣйшій Оедоръ Михайловичъ, спѣшу извѣстить Васъ что я получилъ Вашъ вексель въ 300 р. и благодарю Васъ. Я бы конечно не сталъ Васъ беспокоить, еслибъ свадьба моей дочери со всѣми своими предвидѣнными и непредвидѣнными издержками не заставила бы меня постучаться во всѣ двери. Надѣюсь, что эта уплата не слишкомъ Васъ стѣснила.—

То, что Вы говорите о Вашей дѣятельности просто пугаетъ меня, облѣнившагося Баденскаго буржуйя.—Очень сожалѣю, что здоровье Ваше неудовлетворительно: Смотрите, не надорвитесь! Возьмите лучше себѣ молодаго и дѣятельнаго помощника по исполнительной части. Эта издержка окупится съ лихвой.

Я не потому не рѣшаюсь печатать „Собаку“— что эта вещь маленькая—а потому, что она мнѣ, по общему приговору друзей моихъ—не удалась. Лучше помолчать, чѣмъ заговорить худо.

Изъ писемъ Анненкова—я замѣчаю, что въ послѣднее время литература—какъ будто оживилась: онъ говоритъ мнѣ о романѣ Толстаго, о драмѣ Островскаго. Хотѣлось бы все это почитать—но видно придется отложить до моего возвращенья, которое никакъ не будетъ позже 15/—20-го Апрѣля. Тогда я познакомлюсь и съ Вашимъ журналомъ.

Желаю Вамъ всего хорошаго, начиная съ здоровья—и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Благодарю Васъ, добрыйшій Иванъ Сергѣевичъ, за Вашу присылку 50 талеровъ. Хотя и не помогли они мнѣ радикально, но все таки очень помогли. Надѣюсь скоро возвратить Вамъ. Благодарю Васъ за пожеланія, но они отчасти неудобоисполнимы для меня. Да ктому-же я простудился вѣроятно еще въ вагонѣ, и съ самого Берлина чувствую себя каждый день въ лихорадкѣ. Во всякомъ случаѣ

Благородно Вас, добрый и вон
Сергеевич, за Вашу привилегию
50 маневр. Вот и не помню
они и не радуются, но и так
они и помню. Надпись этого во
мне Вас. Благородно Вас за
поклонение, но они отдают не
вспоминаются. Да
Красно-руч в простуде. В
мне вон, и в самом деле
хотелось бы видеть себя в
мне. Вот и так.

Надпись вон вон вон
вон. А не помню и не
вон, вон вон вон

Ваш
С. М. Достоевский

20/12/76

50 маневр, записки
мне в. М. Достоевский
и не помню и не

Ваш Тургенев.

Наш
март. 1876.

надѣюсь весьма скоро съ Вами увидѣться. А пока-
мѣстъ искренно жму Вашу руку и пребываю

Вашъ весь

Ф. Достоевскій.

20/8 Августа [1863].

50 талеровъ, данныхъ мною Ф. М. Достоевскому
я получилъ обратно.

Иванъ Тургеневъ.

Парижъ.
Мартъ. 1876.

*15.

Парижъ.
50, Rue de Douai
9-го Апр.
Понедѣльникъ 28-го Марта. 77.

Милостивый Государь,
Федоръ Михайловичъ!

Мой хорошій пріятель, извѣстный литераторъ
и знатокъ Русскаго языка, Г-нъ Эмиль Дюранъ,
получилъ отъ редакціи „Revue des Deux Mondes“
порученіе составить монографіи (біографическія и
литературно-критическія) о выдающихся предста-
вителяхъ Русской словесности—и съ этой цѣлью
отправился въ Россію.—Вы, конечно, стоите въ этомъ
случаѣ на первомъ планѣ—и онъ меня просилъ
снабдить его рекомендательнымъ письмомъ къ Вамъ,
что я исполняю съ тѣмъ болѣею охотой, что
личное знакомство съ Г-мъ Дюраномъ, какъ съ

человѣкомъ въ высшей степени добросовѣстнымъ, образованнымъ и умнымъ, не можетъ не доставить Вамъ самимъ большое удовольствіе.

Я рѣшилъ написать Вамъ это письмо, не смотря на возникшія между нами недоразумѣнія, въ слѣдствіе которыхъ наши личныя отношенія прекратились. Вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь въ томъ, что недоразумѣнія эти не могли имѣть никакого вліянія на мое мнѣніе о Вашемъ первоклассномъ талантѣ и о томъ высококомъ мѣстѣ, которое Вы по праву занимаете въ нашей литературѣ.

Въ надеждѣ на радушіе пріема, которое Вы окажете Г-ну Дюрану и на Ваше сочувствіе къ самой цѣли его путешествія, прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю пребыть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Ив. Тургеневъ.

16.

Любезнѣйшій Федоръ Михайловичъ, хотя я остался здѣсь на сегодняшний день—но мнѣ не возможно быть у Васъ.—А потому жму Вамъ крѣпко руку и говорю до свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ.

Примечанія.

1.

От Основского—Н. А. Основского, московского литератора и издателя, в 1860 г. выпустившего сочинения Достоевского в двух томах, первое отдельное издание со-

чинений Достоевского („Бедные Люди“, „Неточка Незванова“, „Бѣлые ночи“, „Село Степанчиково“ и др.). В том же году Основский издавал сочинения Тургенева, в четырех томах („Записки охотника“, рассказы, „Рудин“, „Дворянское гнѣздо“, „Накануне“).

По „Хронологической канве для биографии Тургенева“ Н. М. Гутыра (стр. 42) Тургенев приехал в Петербург из Москвы 8-го февраля.

2.

Венецкого—бѣзвестный литератор 60-х годов. В 1861 г. Достоевскій начал издавать журнал „Время“, и Тургенев, очевидно, надеялся, что Венецкій получит там работу.

Письмо написано перед отъездом Тургенева из Петербурга в Париж.

3.

Книжки вашего журнала—„Время“.

Принялся за повесть, которая должна быть помещена у Васъ—„Призраки“; о них Тургенев говорит часто в письмах к Достоевскому.

4.

Стихотворение Вяземского.—Речь идет о стихотворении кн. П. А. Вяземского „Заметки“ в августовской книгѣ „Русского Вестника“ за 1861 г. (перепечатано в полн. собр. сочинений В—го, т. XI, стр. 336—338). Об отношеніях Тургенева и Вяземского см. ст. Н. Ф. Бельчикова в сборникѣ Центральнаго архива, вып. 2-ой: П. О. Тургенев. М. 1923.

6.

Давно следовало отвечать Вамъ—письмо Достоевского неизвѣстно.

Повесть моя—„Призраки“.

Я прочел „Минина“—драматическую хронику А. Н. Островскаго „Козьма Захарыч Минин-Сухорук“, напечатанную в „Современникѣ“ за 1862 г., т. ХСІ, и отдельно в том же году. Тургенев ждал этой пьесы с нетерпѣніем. Достоев-

скому он писал 26/XII. 1861 — 7/I. 1862: „Чрезвычайно меня интересует „Минин“ Островского; пожалуйста, сообщите мне Ваше впечатление. Новая, смелая попытка! Дай бог чтобы она увенчалась успехом! Но если даже и будет неудача, я все-таки уверен, что неудача Островского может быть интереснее удачи многих других. Поклонитесь ему от меня“.

Бедный Панаев умер.—Иван Иванович Панаев скончался в Петербурге в ночь с 18 на 19 февраля 1862 г.

Моя повесть—„Призраки“.

О „Минине“ и смерти Панаева см. в письмах Тургенева к Щербине и Фету от 26 февр. и 5 марта 1862.

Моя повесть будет уже в Петербурге.—Речь идет о другой повести или романе: „Отцы и дети“, напечатанной в московском журнале „Русский Вестник“ 1862, № 2. Письма Тургенева этой поры переполнены тревогами за впечатление общества от этого романа. О мнении Достоевского см. следующее письмо.

7.

Отзыв об Отцах и Детях Достоевского, драгоценный для понимания романа и взаимоотношений обоих поэтов, неизвестен в печати.

Письмо от Майкова — и отвечу ему.—Письмо А. Н. Майкова тоже неизвестно в печати. Но ответ ему, написанный в тот же день, опубликован в Первом собрании писем Тургенева, стр. 102—103.

9.

Дмитрий Платонович Ломачевский (ум. в 1877).—беллетрист. О нем см. С. А. Венгеров, Источники словаря русских писателей, т. III., стр. 502, и А. В. Мезнер, Русская словестность с XI по XIX стол. включ., ч. II, стр. 191.

10.

Маленькое, извинительное предисловие было, действительно, написано; оно сохранилось в архиве Достоевского в автографе Тургенева и было напечатано в журн. „Эпоха“, 1864 г., № 1-2, впереди текста „Призраков“. В печатном виде оно отличается только вставленным вновь эпиграфом из Фета: „Миг один — и нет волшебной сказки“, и т. д.

13.

Свадьба моей дочери — Полины Брюэр; о ней см. Н. М. Гутьяр, И. С. Тургенев. Юрьев. 1907 (гл. V). Свадьба состоялась 13—25 февр. 1865 г.

О романе Толстого, о драме Островского.—„Война и Мир“ начал печататься в „Русском Вестнике“ 1863, с января. „Воевода, или сон на Волге“ напечатан в январ. номере „Современника“ за 1863 г.

14.

Комментарии к письму Достоевского и расписке Тургенева см. выше, в предисловии.

16.

Эта записка, вопреки доброму обычаю Тургенева, не датирована местом, годом и месяцем, и по ее краткому содержанию невозможно определить даты.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Абаза Юлия Фед.—82, 84.
 Авдеев М. В.—14, 17, 24.
 Аверкиев Д. В.—65, 87.
 Академия наук—25.
 Аксаков И. С.—84.
 Андреева А. А.—109.
 Анненков П. В.—39, 108, 111,
 124, 126—128.
 Антонович М. А.—46.
 Бартенев П. И.—109.
 Бекетова Елиз. Григ.—33.
 Бекетов Андрей Ник.—33.
 Бекетов Ник. Ник.—33.
 Белинский В. Г.—62.
 Бельчиков Н. Ф.—3, 108, 111,
 131.
 Бернштам Леоп. Ад.—25, 26.
 Бестужев-Рюмин К. Н.—39.
 „Библиотека для чтения“—
 113.
 „Биржевые Ведомости“—100,
 101.
 „Бирюч Петроградских госу-
 дарствен. театров.“ П., сбор-
 ник, 1920 г.—24.
 Благовещенский Н. А.—89,
 90, 91.
 Блок А. А.—33.
 Богданович М. М.—39.
 Бокль—33.
 Боткин Вас. Петр.—24, 121.
 Боткин Нин. Петр.—14, 15, 24.
 Боткин Серг. Петр.—24, 39.
 Брюэр Полина—127, 133.
 Быков, д-р—46.
 „Былое“—46.
 Вагнер Ник. Петр.—74, 84.
 Вейнберг П. И.—61.
 „Век“—90.
 Венгеров С. А.—33, 108, 132.
 Венецкий—109, 113, 131.
 Верещагин—80.
 „Вестник Европы“—7, 11, 56,
 109.
 Винардо—107, 108.
 Волынский А. Л.—100.
 Воронцов,—40.
 Воронцов-Дашков И. П.—39.
 Врангель А. Е.—62.
 „Время“,—28, 32, 33, 34, 42, 44,
 56, 57, 63, 68, 73, 82, 83, 84,
 90, 91, 95, 99, 100, 102, 103,
 114—118, 120—122, 124, 131.
 Вяземский П. А.—115, 131.
 Гагарин Г. Г.—39.
 Гаевский В. П.—6, 106.
 Галахов А. Д.—39.
 Гегель—71.
 Герцен А. И.—46.
 Гершензон М. О.—109.
 Гете—76.
 Гнедич П. П.—61.
 Голенищев-Кутузов А. А.—
 6, 7, 86.
 „Голос Минувшего“,—65, 87.
 Гончаров И. А.—4, 5, 10—15;
 19; 22—24; 38, 39.

Горнфельд А. Г.—88.
Горький А. М.—90.
„Гражданин“—13, 42.
Григорович Д. В.—9, 25, 26,
27, 28, 30, 32, 33, 34, 36, 61, 86.
Григорьев Апол. А.—62.
Гроссман Л. П.—101.
Грузинский А. Е.—96.
Гутьяр Н. М.—107, 109, 131,
133.
„Дело“—7.
Деляво—12, 14, 15, 24.
„День“—100.
„Для легкого чтения“, сбор-
ник СПб., 1856 года—33.
Добролюбов Н. А.—115.
Долинин А. С.—35, 63, 64.
Достоевская А. Г.—3—9, 11—
12, 24—27, 36, 37, 41, 42—44,
65, 84, 85, 86, 87, 96, 104, 105,
106, 108, 111.
Достоевская Л. Ф.—87, 88.
Достоевский М. М.—4, 28—32,
33, 34, 35, 46, 47, 55, 57, 59,
62, 63, 67, 69, 84, 91—93, 94,
101.
Достоевский Ф. М.—3, 4, 6,
7—15, 19, 21—27, 32, 33, 34,
35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43,
44, 45 и т. д.
Дубовицкий П. А.—39.
Дудышкин С. С.—39.
Дюран Эмиль—129, 130.
Евгеньев-Максимов В. Е.—43.
Елисеев Г. З.—42, 90.
Ефремов—12, 22—24.
„Журнал министер. народн.
просвещения“—97, 98.
„Заря“ журн. Каширова - 7.
Звонарев—48.
Иванов И. И.—100, 107.
Ивашинцов Н. А.—39.
„Известия книжн. магазинов
т-ва М. О. Вольфа“—26.
„Иллюстрация“—67.

„Искра“—83.
Исторический Музей в Мо-
скве—26.
Карамзин В. Н.—39.
Катков М. Н.—43, 109, 116,
120.
Кашпирева С. С.—82.
Кинги—76.
„Книжные Вестники“—116.
Ковалевский Е. П.—39.
Козмин Н. К.—63, 83.
Колбасин Е. Я.—118.
Кони А. Ф.—108.
Корелин Г. С.—33.
Костомаров Н. И.—38, 39.
Кохановская (Соханская
Н. С.)—22, 24, 25.
Коялович М. О.—39.
Краевский А. А.—12, 30, 32,
34, 39.
„Красный Архив“—47, 108.
Круковская Л. Я.—88.
Куинджи А. И.—26.
Кусков П. А.—68, 83.
Курочкин Вас. Степ.—67, 83.
Курочкин Ник. Степ.—67, 83.
Лавров П. Л.—87.
Лазаревский В. М.—39.
Ламанский В. И.—38, 39.
Лемке М. К.—46.
„Литературный Фонд“—102,
103, 104.
Ломачевский Д. П.—109, 122,
123, 132.
Ломоносов М. В.—38.
Майков А. Н.—10, 38, 39, 64,
65, 87, 109, 110, 119, 132.
Маркевич В. М.—39, 87.
Маркович М. А.—121.
Маркс А. Ф.—45, 84.
Мезиер А. В.—132.
Мельников П. И.—38, 39.
Мещерский В. П.—12.
Миллер О. Ф.—36, 107.

Миллюков А. П.—33, 34, 35,
93, 95.
Милютин М. А.—107.
Минаев Д. Д.—68, 83.
„Минувшие годы“—100, 101.
Михайловский Н. К.—42, 46.
Модзалевский Б. Л.—35.
Морозов П. О.—56.
„Морской Сборник“—34.
„Москвитянин“—28, 29, 33.
„Московский Понедельник“
1922 г.—98.
„Наблюдатель“—83.
„Неделя“—9, 107.
Некрасов Н. А.—4, 5, 12, 23,
24, 41—55, 62, 68, 89, 101, 102,
114.
Никитенко А. В.—12.
Никольский Ю. А.—100, 107,
108, 110.
„Новое Время“—7, 61.
„Огни“, альманах—12, 24.
„Озимы“, сборн. СПб., 1876 г.
—76.
Основский Н. А.—112, 130—
131.
Островский А. Н.—18, 20—22,
24, 56—60, 68, 90, 116—118,
128, 131, 132, 133.
„Отечествен. Записки“—30,
33, 34, 41, 42, 44, 46, 48, 49 и
далее.
Отто (Онегин) А. Ф.—111,
112.
Павловский И.—107.
Панаев И. И.—118, 132.
„Пантеон“—34.
Первошиков Д. М.—39.
Петрашевцы—35, 61.
„Печать и Революция“—108.
Пиксанов Н. К.—5, 43, 90, 98.
Писемский А. Ф.—63, 119.
Плещеев А. Н.—42, 61, 62, 86.
Победоносцев К. П.—87, 105,
108.

Погребов Н. П.—39.
Полонская Ж. А.—108.
Полонский Я. П.—4, 39, 62,
63, 64, 65, 72, 87, 89, 115.
Поляков—43.
Помяловский Н. Г.—89—95.
Прац Э.—83.
Пушкинская выставка—26.
Пушкинские торжества в
Москве—25, 65, 87, 108.
Пылаев В. Л.—37.
Ратклиф.—66.
„Ребус“—84.
„Revue de deux mondes“—14,
129.
Решетников Ф. М.—90.
Рубинштейн А.—84.
Румянцев Ив., свящ.—9, 37.
„Русская Старина“—35.
„Русский Архив“—10, 109.
„Русский Вестник“—7, 11,
34, 41, 42, 43, 68, 69, 84, 114,
115, 120, 123, 131, 132, 133.
„Русское Обозрение“—7.
„Русское Слово“—63, 91, 122.
Рыбников П. Н.—96, 97, 98.
Сакулин П. Н.—102.
Салнас Е. А.—105, 121.
Салтыков-Щедрин М. Е.—16,
17, 24, 51, 99—104.
Семенов П. П.—39.
„Семейные вечера“—82, 84.
Серно-Соловьевич Н. А.—46.
Серов А. Н.—38, 39, 84.
Скабичевский А. М.—42.
Скавронский-Данилевский
Г. П.—101.
„Складчина“ сборник—11, 12,
15, 16, 24.
Случевский К. К.—65.
Смирнов—30.
„Современник“—32, 34, 45, 47,
48, 83, 89, 90, 91, 100, 101,
114, 131, 133.
Соловьев—12.

Срезневский П. П.—39.
 Старчевский А. В.—122.
 Страхов Н. Н.—65, 67, 84, 86.
 Суперанский М. Ф.—12.
 Толстая—79.
 Толстой Л. Н.—42, 43, 128,
 133.
 Тургенев И. С.—3, 4, 5, 10, 11,
 62, 69, 84, 87, 100, 101, 105—
 133.
 Фет А. А.—132.
 Ходнев А. И.—39.
 Чернышевский Н. Г.—45, 46,
 47, 68, 83, 89, 91.
 Шекспир В.—66, 83.
 Шляпкин И. А.—97, 98.
 Штакеншнейдер Е. А.—64,
 65, 84, 86, 87.
 Шувалов А. П.—40.
 Шувалов П. А.—40.
 Шувалов П. Г.—40.
 Шувалов П. П.—40.
 Шувалов—40.
 Щербатов Г. А.—40.
 Щербина Н. Ф.—40, 109, 132.
 „Эпоха,“—42, 46, 57, 63, 73, 96,
 97, 100, 101, 102, 110, 126,
 127, 132.
 Якунчикова А. И.—34.

Замеченные опечатки.

			Напечатано:	Следует:
Стран.	стр.	сверху	Гуляю	Гуляеть
"	54	" 9	мнѣ и Вам	мое къ Вамъ
"	64	" I прим "	к Л. Н. Май- кову	к А. Н. Майкову
"	75	" 25	исключенияхъ	изключенияхъ
"	104	" 2	будет не позд- но	будет еще не позд- но
"	119	" 5	тот часъ	тоть часъ
"	121	" 23	противополож- ныхъ	противуположныхъ